

Л. ТУГАНЬ.
ДВѢ ПОВѢСТИ ИЗЪ
ПРОШЛАГО ЛИФЛЯНДИИ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ КРАСКАХЪ ПО ОРИГИ-
НАЛЬНЫМЪ РИСУНКАМЪ МАРГО ГРОССЕТЪ

РИГА 1912.

ТИПОГРАФІЯ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЕКСАНДРА
ГРОССЕТЪ ФМ ФДЕЙТШЪ-КОНЮШЕННАЯ 1
ЦѢНА 60 КОП.

ДВѢ ПОВѢСТИ ИЗЪ ПРОШЛАГО ЛИФЛЯНДИИ.

Л. ТУГАНЪ.

1912 г.

Книгоиздательство Александра Гроссета, подъ фирмою Ф. Дейтшъ,
Рига, Коиюшенная 1.

ДВЕ ПОРТА
НА ПРОШЛО
ИЛИ

Графическія Художественныя Заведенія
Александръ Гроссетъ, подъ фирмою: Ф. Дейтшъ,
Рига, Конюшенная ул. № 1.

ИЛИ

БѢЛЫЙ РЫЦАРЬ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. БѢЛЫЙ рыцарь	7
2. Карликъ Короля	43

Д. ТУСАНЪ

ОТДѢЛЕНІЕ

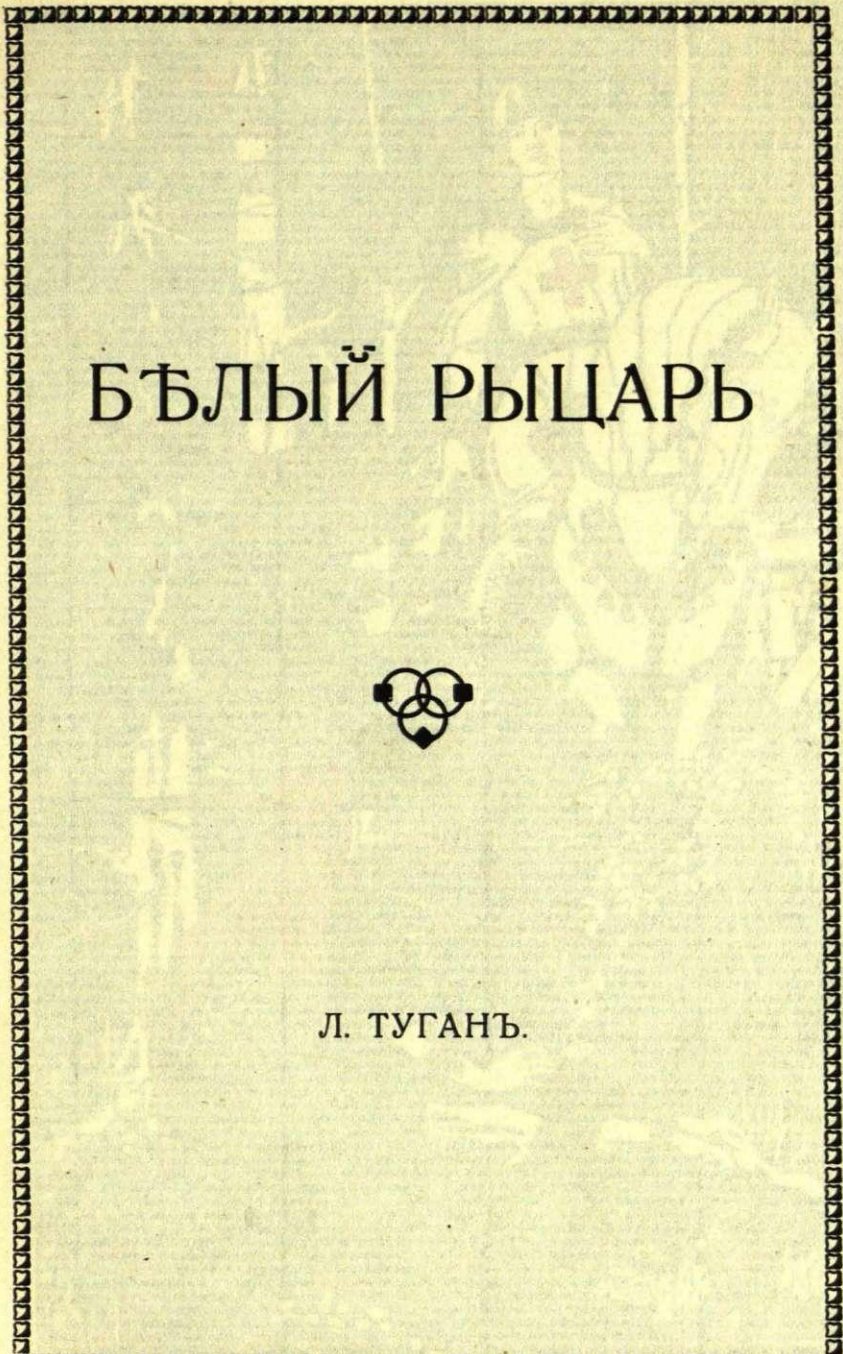
№ 7

№ 43

1. Вѣдомое

2. Капитальное

A faint, sepia-toned illustration of a knight in full armor riding a horse, positioned in the background behind the title. The knight is facing forward, and the horse is in a walking or trotting gait. The entire scene is framed by a decorative border of small, repeating geometric shapes.

БѢЛЫЙ РЫЦАРЬ

Л. ТУГАНЬ.

Р. ПУРПИНЪ ВЪ ПИТАВЪ

ВЪ ПИТАВЪ

ПО ОРГИНАЛЪН. РИСУНКУ
МАРГО ГРОССЕЪ — ВЪНА

ПЕЧАТАНО ВЪ ГРАФИЧЕСК. ХУДОЖЕСТВ. ЗАВЕДЕНИЯХЪ
АЛЕКСАНДРА ГРОССЕЪ П. ФИРМ. Ф. ДЕЙТШЪ, РИГА

Въ ложбинѣ, среди вѣкового лѣса, ютилось ливонское селеніе.

Это былъ рядъ приземистыхъ, построенныхъ изъ неотесаннаго лѣса, закоптѣлыхъ хатокъ, съ отверстиями вмѣсто трубъ и оконъ.

Вокругъ этихъ темныхъ жилищъ сновали столь же темные въ своихъ бурыхъ одеждахъ люди, голоса которыхъ заглушались лаемъ и воемъ собакъ.

Изъ отверстія крыши одной изъ хатокъ, которая была крупнѣе другихъ, струился густой дымъ и высоко выбрасывались искры.

Это было жилье старшины округа (ваннемса), семья котораго собралась за трапезой.

Въ хатѣ было угарно и дымно. Все жилье освѣщалось яркимъ огнемъ на низкомъ очагѣ, у котораго хлопотала за котелкомъ, повзванная до бровей темнымъ платкомъ, женщина — жена ваннемса.

За столомъ, на почетномъ мѣстѣ, покрытомъ лосиной шкурой, сидѣлъ глава семьи и бывший ваннемсъ, Кирфъ (что по ливонски обозначало „злой“) — худой, безбородный старикъ, съ длинными по плечи сѣдыми волосами и маленькими мрачно глядѣвшими изъ подъ рѣдкихъ сѣдыхъ бровей глазками, и велъ бесѣду съ своимъ сыномъ Икатуломъ, которому онъ, за дряхлостью своею, давно передалъ свои права старшины.

— Тарапилла*) давно жаждетъ войны и ждетъ жертвъ отъ ливовъ, — говорилъ старикъ угрюмо. — Бѣлый рыцарь безнаказанно развѣзжаетъ по Цельговѣ, разпространяя свое

*) Тарапилла — богъ войны.

ученіе въ народѣ. Юмала*) никогда не проститъ этого жрецамъ и старшинамъ ливовъ!

— Что же намъ дѣлать, отецъ? спросилъ сынъ, глядя на отца спокойными, на открытомъ, широкомъ лицѣ глазами, отъ которыхъ вѣяло миролюбіемъ. — Если мы захватимъ Бѣлаго рыцаря въ плѣнъ и убьемъ его, всѣ германцы ополчатся противъ насъ; а Цельговъ не устоятъ противъ нихъ даже съ помощью другихъ округовъ.

— „Не устоятъ!“ Не будь я старъ, какъ одного чело-вѣка поднялъ бы я всѣхъ ливовъ противъ этихъ проклятыхъ германцевъ!

Я не допустилъ бы христіанскихъ проповѣдниковъ къ народу и истреблялъ бы ихъ какъ коршуновъ! Ни у одного христіанина выпустилъ бы я кровь на жертвенникѣ Тарапиллы, и давно бы выпивалъ на праздникахъ побѣды изъ черепа Бѣлаго рыцаря, соблазняющаго своею вѣрою ливовъ! . . .

Икатулъ слушалъ отца не поднимая головы. За то горячимъ воодушевленіемъ сверкали глаза его единственной дочери Тики.

Прислонившись къ стѣнкѣ съ заложеными за спину, оголенными до плечъ руками, на которыя свѣшивались ея длинные, переливавшіе при огнѣ золотомъ, пряди волосъ, она напоминала изваяніе, и одни лишь полные пыла глаза ея выдавали клокотавшую въ ея здоровомъ молодомъ тѣлѣ жизнь.

Прислушивалась къ словамъ стараго Кирфа и ея мать у очага, бросавшая по временамъ суровые взгляды на мужа.

— Полно, отецъ, — поднялъ голову Икатулъ, — если германцы принесли намъ зло, то за то есть отъ нихъ и польза! Можно многому поучиться у нихъ. Погляди ка какъ самый простой германецъ живетъ: не по нашему! Насмотрѣлся я на нихъ, какъ въ ихъ Ригѣ на работѣ бывалъ. Ученый народъ и богатый. А отъ богатствъ то ихъ и нашему брату перепадаетъ.

— Болтай! . . . „перепадетъ!“ — проворчала жена. Подати деруть съ народа, голодъ на дворѣ, а онъ: „перепадетъ!“

— И вѣру свою и свободу продадите вы, подлые! шипѣлъ старикъ. — И откажутся отъ васъ боги, какъ многіе

*) Юмала — главный богъ.

изъ васъ уже отказались отъ нихъ! . . . Сами лѣзете въ сѣти германцевъ, и поздно будетъ, когда вы это поймете! . . .

Онъ закашлялся и смолкъ.

Въ хату вошла новая личность.

Это былъ широкоплечій, невысокаго роста мужчина съ выдающимися скулами, широкимъ приплюснутымъ носомъ и длинными прядями волосъ. . . . За его плечами висѣлъ лукъ, а сбоку мечъ.

— Ваннемсъ! — обратился онъ къ Икатулу, — караульные сообщаютъ, что къ намъ приближаются германцы. Въ Нурмегундѣ появился цѣлый отрядъ Хартенштейнскихъ ратниковъ, которые сгоняютъ народъ креститься. . . .

— Къ оружію! — вскричалъ Кирфъ, поднявшись съ мѣста и повелительно протянувъ руку. — Не пускать въ Цельгову германцевъ! Смерть первому изъ нихъ, который осмѣлится переступить нашу границу, какъ смерть тому ливу, который приметъ христіанскую вѣру! — потрясалъ онъ худыми, жилистыми кулаками въ воздухъ. — Идемте! . . . Я съ вами! . . . Подайте мой лукъ! . . .

Голосъ его вдругъ оборвался и, немощно опустившись на скамью, онъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Негодно болѣе мое дряхлое тѣло! стоналъ онъ. — О! Тарапилла, раздави меня, какъ подлаго червя! . . . Каждая женщина теперъ сильнѣе меня! . . .

— Успокойся, отецъ, — сказалъ Икатулъ, перекидывая черезъ плечо ремень колчана и принимая отъ Тики лукъ. — Я сдѣлаю все то-же, что ты сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ. — Готовы ли люды, осѣдланъ ли мой конь, Кутіа? обратился онъ къ стоявшему у дверей человекѣу.

— Люди всѣ въ сборѣ и ждутъ твоего приказанія, ваннемсъ, а твой конь нетерпѣливо роетъ ногой землю у дверей.

— Отецъ! — съ мольбою въ голосъ вскричала Тика. — Возьми меня съ собой! Мой „Ера“ не отстанетъ отъ васъ; не даромъ я слыву лучшею паѣздницею въ твоемъ округѣ! Я могу быть тебѣ полезнаю. Съ наслажденіемъ пушу я стрѣлу въ германца и принесу въ жертву Тарапиллѣ его правую ногу!

— Твое мѣсто возлѣ дѣда и матери! замѣтилъ ей строго отецъ. Я не люблю, когда женщины кровожадны какъ волки!

— Ужь не хочешь ли ты, чтобы наши женщины походили на христіанскихъ и покорно давали себя сжигать на кострѣ? — язвительно бросила ему жена.

— Молчи, Тэдъ! . . . Ты сама не знаешь, что мелить твой языкъ, — вскричалъ Икатуль.

— Она права! — заступился старикъ, задыхаясь отъ гнѣва. — Ты забываешь волю Тарапиллы, который требуетъ воинственности не только отъ мужчинъ, но и отъ женщинъ! Смотри какъ бы тебѣ не пришлось держать отчетъ передъ нимъ! . . .

Не отвѣчая отцу, Икатуль нахлобучилъ на голову шапку и пошелъ за дверь, въ сопровожденіи Кутии и вышедшей его проводить жены.

— Подойди ко мнѣ „Кошечка“, — позвалъ Кирфъ внуку, когда топотъ лошадей замеръ вдаль. — Присядь здѣсь; я хочу съ тобой поговорить. . . . Но дай мнѣ сперва напиться. . . . Я задыхаюсь. . . .

— Слушай, кошечка, — началъ онъ, отпивъ жадными глотками воды изъ поданнаго ему Тикой кувшина. — Нынче, болѣе чѣмъ когда либо, я сознаю все горе мое въ томъ, что ты родилась женщиной. Больше чѣмъ когда либо чувствую я, что у меня нѣтъ достойнаго пріемника. Твой отецъ не осуществилъ моихъ надеждъ. . . . За то ты наслѣдовала мой характеръ и не будь ты женщиной, ты бы восстановила мою власть въ Цельговѣ и отстояла бы независимость нашего народа!

— Когда ты родилась, кошка, вмѣсто столь ожидаемаго мною внука, я хотѣлъ разбить тебя о стѣнку и, если бы тогда мать не спрятала тебя — я можетъ быть такъ и сдѣлалъ бы. . . . За то, когда въ 3 года я увидалъ твои бойкіе, какъ у дикаго звѣрка, глазенки и когда ты однажды, какъ кошка, расцарапала мнѣ руки до крови, за то что я хотѣлъ тебя посадить къ себѣ на колѣни (почему съ тѣхъ поръ я и прозвалъ тебя „кошкой“); когда въ 7 лѣтъ ты безъ промаха всаживала стрѣлу въ цѣль, а въ 12 — уложила стрѣлой ястреба на лету и всадила ножъ въ плечо обижавшаго тебя мальчишки, — я полюбилъ тебя, узнавъ въ тебѣ себя! И все же ты только женщина, кошка!

— Волей Юмалы я родилась женщиной, дѣдъ, но повѣрь, что я не менѣе неустрашима, чѣмъ мужчина и ты можешь рассчитывать на меня, какъ на внука въ любомъ порученіи!

— Люблю въ тебѣ, кошка, такія слова, слова сильнаго духомъ человѣка! О! ты была бы замѣчательнымъ человекомъ, если бы ты не была женщиной. За тобой народъ пошелъ бы въ огонь и въ воду.

— Кошка! — заговорилъ онъ помолчавъ, — съ твоимъ отцомъ творится что-то неладное. . . Мнѣ иногда не вѣрится, что онъ мой сынъ. Онъ всегда былъ слишкомъ мягокъ и нерѣшителенъ, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ Ригѣ, я его не узнаю. О! если бы я только убѣдился, что онъ зараженъ христіанскимъ ученіемъ! . . . — проговорилъ онъ свистящимъ отъ напряженія голосомъ, — я бы собственно-ручно уничтожилъ его! . . .

Если бы ты это сдѣлала, дѣдъ, я бы тебѣ отомстила за отца! вскричала Тика, гордо тряхнувъ, какъ львиной гривой, волнами рыжихъ волосъ.

— Не стоитъ онъ того!

— Зачѣмъ ты винишь отца, дѣдъ? я это не люблю!

— За то что онъ негодный ваннемъ. Его испортили христіане въ Ригѣ.

— А по мнѣ — онъ лучше прежняго сталъ! и я охотнѣе хотѣла бы на него походить, чѣмъ на тебя, дѣдъ!

— Осмѣлся только повторить то, что ты сейчасъ сказала, дрянная дѣвченка! . . . застучала старикъ костылемъ по землѣ. — Вотъ оно! . . . Женщина гдѣказывается! . . . бормотала онъ про себя.

— Кошка! — позвала старикъ послѣ продолжительнаго раздумья, порывшись въ кожаномъ мѣшечкѣ. — Снеси это на жертвенникъ „священнаго дуба“, — подаль онъ ей римскую монету, — и умоли его постоять за твоего отца въ борьбѣ съ христіанами.

— Я сейчасъ исполню твое порученіе, дѣдъ, — вся взыгралась Тика при мысли погулять въ лѣсу, гдѣ она такъ любила поохотиться за дичью. И, захвативъ свой лукъ, она бросилась изъ хаты.

Темныя тучи заволокли солнце и предвѣщали грозу. Но Тикѣ не было дѣла до погоды и, потянувъ въ себя раздувшимися ноздрями свѣжій воздухъ, она легче дикой козы понеслась къ лѣсу. То ныряя въ верескѣ, то переносясь черезъ валежникъ, она скоро добралась до громаднаго, вѣковаго дуба, далеко протянувшаго отъ себя свои могучіе,

покрытые густой листвою сучья, подъ которыми глухо журчалъ ручеекъ.

Бросившись ницъ передъ священнымъ деревомъ, Тика съ возваніемъ о его помощи противъ христіянь, положила на жертвенникъ монету дѣда и хотѣла уже удалиться, когда ея чуткій слухъ вдругъ уловилъ далекій трескъ сухихъ прутьевъ. „Въ лѣсу пробирался всадникъ“ — въ этомъ она не сомнѣвалась; а по шагу лошади она угадывала, что всадникъ былъ не ливъ, такъ какъ у однихъ германцевъ лошади случались не мѣстной породы.

Юркнувъ подъ густую ель и натянувъ тетеву у лука, Тика вся притаилась. Глаза ея блестяли какъ у дикой кошки. А шелестъ и трескъ въ лѣсу становились все слышнѣе и скоро она могла уже ясно различить сквозь листву всадника, въ которомъ, по блестящему шлему, бѣлому коню и бѣлой мантии, съ нашитымъ краснымъ крестомъ на груди, она, судя по рассказамъ въ народѣ, сразу узнала Бѣлаго рыцаря. Она вспомнила, что ливы называли его „неустрасимымъ и неуязвимымъ“ за то что онъ разѣзжалъ по деревнямъ одинъ, вступая въ бесѣду съ самыми враждебными ему людьми, которые не разъ уже покушались — хотя и безуспѣшно — на его жизнь.

О! неужели боги привели ее сюда, чтобы убить этого рыцаря, посягающаго на свободу и вѣру ливовъ?! На нее, внучку Кирфа, палъ ихъ выборъ, и она докажетъ, что она достойная пріемница его! . . . Она замѣнитъ ему внука! . . . Кровь стучала въ ея напряженныхъ жилахъ и она все туже натягивала тетеву.

Едва успѣлъ рыцарь, отодвинувъ копьемъ сосновую вѣтку, предстать передъ глазами Тики, какъ тетева щелкнула и стрѣла вонзилась въ его плечо.

Покачнувшись слегка въ сѣдлѣ и сдержавъ метнувшася въ сторону коня, онъ тотчасъ же направилъ его однимъ прыжкомъ къ мѣсту засады.

Вывавшись изъ подъ самыхъ ногъ лошади, Тика скрылась въ чащѣ можжевельника; но повидимому, рыцарь твердо рѣшилъ поймать смѣлую ливонку, и ей пришлось вторично проскользнуть между ногами его лошади.

Съ ловкостью рыси пустилась она бѣжать. Густыя древесныя вѣтки распускались и щелкали за нею съ такой

быстротой, что рыцарь поминутно терялъ ее изъ виду и, можетъ быть, дѣвушка удалось бы скрыться, если бы вдругъ ея юбка не зацѣпила за острый сукъ.

Рванувшись къ ней, рыцарь крѣпко схватилъ ее за руку, поверхъ кисти. Но тотчасъ же принужденъ былъ отпустить, такъ какъ пойманная, какъ дикая кошка, впиалась своими крѣпкими бѣлыми зубами въ его руку.

— Ахъ ты негодное, дикое созданіе! — невольно вскричалъ рыцарь, едва успѣвъ задержать дѣвушку за пряди ея длинныхъ волосъ и невольно занеся надъ нею копье. — Тебя, какъ кошку, только и можно хватать что у затылка! — Прищурившись и откинувъ назадъ голову, Тика, казалось, ожидала смертельнаго удара. Но рука съ копьемъ тихо опустилась и на лицѣ рыцаря, вмѣсто злобы, появилась добрая улыбка.

— Лишній разъ убѣждаюсь я, что ваши боги дѣлаютъ изъ человѣка звѣря, — сказалъ онъ. — Обѣщай, что ты не убѣжишь и что ты мирно поговоришь со мной, и я тебя отпущу.

— Обѣщаю! — отвѣчала она смѣло, потому что Тика, внучка знаменитаго Кирфа, не боится тебя. Да и какой ты воинъ, если ты и убивать не умѣешь.

— А по твоему умѣть убивать — достоинство человѣка? — спросилъ онъ, выпустивъ ея волосы.

Тика смотрѣла на него съ недоумѣніемъ. — Что бы мнѣ стоило пустить въ тебя стрѣлу, какъ ты это сдѣлала, или заколоть тебя копьемъ? продолжалъ онъ. — Но я не убью тебя, потому что мнѣ жаль твоей юной жизни, потому что мой христіанскій Богъ запрещаетъ убивать себѣ подобнаго. Всѣ люди Его дѣти, а слѣдовательно ты — моя сестра; какъ же могу я убить сестру свою? Если и ты признаешь меня братомъ, я увѣренъ, что ты не только не убьешь меня, но постарайся исправить свое педоброе дѣло и перевяжешь мнѣ рану. Не такъ ли, Тика? . . .

И съ этими словами онъ хотѣлъ сойти съ лошади, но вдругъ весь побѣлѣлъ и безжизненно рухнулъ къ ногамъ дѣвушки. Изъ его рукава струей бѣжала кровь. . . .

Какъ вкопанная стояла Тика надъ своей жертвой, не отрывая глазъ отъ прекраснаго, полнаго мира и спокойствія лица молодого рыцаря.

Напрасно искала она въ себѣ прежнія побужденія покончить съ врагомъ ливовъ, котораго сами боги послали ей въ руки, напрасно, схвативъ копье, выпавшее изъ руки рыцаря, призывала она на помощь лѣсныхъ духовъ и свои прежнія ненависть и жажду крови къ христіанамъ — она не находила въ себѣ рѣшимости его убить!

„То были, безъ сомнѣнія, его чары навожденія!“ И она опять призывала боговъ на помощь.

А кровь уже пропитала весь рукавъ раненнаго и темной струйкой сбѣгала по его рукѣ, теряясь во мху.

И вдругъ Тика почувствовала непреодолимую потребность спасти жизнь рыцаря.

Схвативъ лежащей рядомъ съ нимъ мечъ, она однимъ взмахомъ его острія разрѣзала на раненномъ одежду до плеча и, оторвавъ отъ своего подола кусокъ холста, перевязала ему рану, которую предварительно заложила какими то тутъ же нарванными ею травами. Сдѣлавъ это, она стала поминутно прикладывать ухо къ его груди, заглядывая въ его мертвенно блѣдное лицо, или старалась своимъ дыханіемъ согрѣть его холодныя руки. Но рыцарь по прежнему не подавалъ признаковъ жизни.

Бросившись къ ручью, Тика принесла въ шлемъ раненнаго воды, которой осторожно влила ему въ ротъ сквозь стиснутые зубы и, омочивъ ему лицо, припала опять ухомъ къ его груди. . . .

И вдругъ онъ открылъ глаза и медленно поднесъ руку ко лбу. . . .

Тучи сгущались и становилось все темнѣй; вдали слышались раскаты грома. Пронесся вѣтерокъ, зашелестивъ листвою и упали крупныя капли дождя. . . .

— Ты здѣсь, ливонка? — проговорилъ слабымъ голосомъ рыцарь, поднявъ глаза на дѣвушку, которая молча прижалась къ дереву съ той минуты, какъ она убѣдилась, что онъ живъ. — Я тебѣ обязанъ тѣмъ, что не истекъ кровью, — поглядѣлъ онъ на свое перевязанное плечо, приподнявшись на локтѣ. — Ты сдѣлала христіанское дѣло, можетъ быть первое въ твоей жизни, и я такъ же радъ пробужденію твоего сердца, какъ и пробужденію своей жизни, за которую благодарю тебя! Ты видишь, мы передъ Богомъ братъ и сестра!

— Тика не можетъ быть сестрой христіанина!

— Ты будешь христіанкой, Тика!

— Лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться христіанкой! — съ ужасомъ отшатнулась отъ него Тика.

— Доброе дѣло всегда рождаетъ другое и въ твоёмъ сердцѣ скоро не будетъ мѣста для того зла, которое требуется твоими богами.

— О! рыцарь, зачѣмъ я тебя спасла отъ смерти, — схватилась она въ отчаяніи за голову. — Ты околдовалъ меня и нѣтъ мнѣ спасенія изъ твоихъ коварныхъ сѣтей!

— Успокойся, Тика, и не бойся меня, — улыбнулся онъ ей, какъ улыбаются дѣтямъ. —

Кромѣ добра я тебѣ ничего не желаю. Помоги мнѣ лучше подняться и проводи меня до вашего „священнаго дуба“, который укроетъ насъ отъ надвигающейся грозы и гдѣ, кстати, мы успѣемъ съ тобой побесѣдовать.

Грохотъ грома и сильный порывъ вѣтра, встрепавшій волоса Тики, заглушили его слова.

— Ты, не признающій боговъ ливовъ, ищешь защиты подъ священнымъ дубомъ! — испуганно глядѣла на него Тика. — Развѣ ты не слышишь, какъ Ванна Иффа*) сердится и грозитъ намъ? „Старикъ“ бранить меня за то, что я не исполнила его требованія!

— Какого требованія, несчастная? убить меня?

— Да, убить тебя, врага ливовъ и ихъ боговъ.

— Я не врагъ ливовъ, потому что я желаю имъ добра. А убить меня ты можешь хоть сейчасъ! Вѣдь въ томъ состояніи, въ какое ты меня привела — я въ твоихъ рукахъ. Но ты меня не убьешь, Тика, потому что въ тебѣ зажглась искра Божья, которая тлѣетъ уже не въ одномъ изъ твоихъ одноплеменниковъ. . . . Ну, помоги же мнѣ встать! Видишь, что ты натворила со мной! Я беспомощнѣе ребенка. А такъ какъ я вовсе не желаю еще промокнуть до костей, прошу тебя провести меня подъ дубъ, гдѣ у ручья я живо оправлюсь. Да приведи моего Тезея. Я слышу, онъ здѣсь по близости пасется.

Тика бережно приподняла раненнаго и они медленно, подъ проливнымъ дождемъ, добрались до дуба, подъ которымъ рыцарь и расположился у ручья.

*) „Старый отецъ“ (Юмала).

О конѣ рыцаря Тикѣ не пришлось позаботиться: Тезей самъ послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ и, ища убѣжища отъ непогоды, сталъ подѣ дубомъ.

— Тика! куда ты? — удержаль ее рыцарь, замѣтивъ ея намѣреніе бѣжать. — Останься, я хочу побесѣдовать съ тобой. Неужели мнѣ не удастся приручить тебя, дикаго звѣрька? Садись возлѣ меня и не бойся. Твои злые боги всѣ во власти нашего Создателя, безъ котораго ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоей! Садись, и потолкуемъ!

Она молча подошла къ нему, но не сѣла.

— Тика, скажи мнѣ откровенно, тебя очень страшитъ сознание, что ты не дала мнѣ умереть?

— Я прогнѣвала Юмалу. Развѣ ты не слышишь, какъ онъ грозитъ? — указала она въ сторону лѣса. — Его гнѣвъ обрушится и на моего отца и на дѣда! О! рыцарь, за что ты меня губишь! Ты околдовалъ меня. . . . Ты лишилъ меня свободы духа и отваги моей, которой славилъ меня народъ! Убей меня лучше, потому что я не хочу жить обезславленной! Не хочу, чтобы ливы презирали меня — внучку могучаго Кирфа! . . .

— Бѣдная дѣвочка, какъ исковеркали твою душу темные, непознающіе добра люди!

Сверкнувшая молнья освѣтила на мигъ полные тревоги глаза Тики и блѣдное лицо рыцаря.

— „Священный дубъ“, убей меня, безсильную и обезславленную, послушавшуюся боговъ, — вскричала Тика въ отчаяніи, простирая руки къ дереву.

— Это дерево, Тика, какъ и гроза, какъ и мы съ тобой, созданы единымъ Богомъ — Творцомъ вселенной. Все существуетъ Его волей, какъ и все можетъ исчезнуть по Его волѣ! . . .

Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ раздался оглушительный трескъ, потрясшій до корней запылавшее какъ въ огнѣ дерево. Тезей взвился на дыбы и ринулся въ лѣсъ. . .

— Смотри Тика, — указаль рыцарь потрясенной ужасомъ дѣвущкѣ, на разщепленную и обугленную сторону дуба и лежавшую рядомъ съ нимъ на землѣ громадную вѣтвь, безпомощно топырившую свои поломанныя вѣтки, — твое священное дерево доказало тебѣ все свое безсиліе!

Словно оцѣпенѣвшая стояла Тика.

Но вдругъ, бросившись на колѣни передъ „Бѣлымъ рыцаремъ“: О! скажи, кто ты такой! — вскричала она. — Ты такъ прекрасенъ и величавъ. Скажи, не ты ли тотъ христіанскій Богъ, о которомъ ты говоришь?

— Нѣтъ, Тика, я такой же грѣшный человѣкъ какъ и ты, съ тою лишь разницей, что я вѣрю въ единого Бога и стараюсь исполнять его заповѣдь. Только христіанкой поймешь ты меня, какъ поймешь и себя.

Но теперь я настолько оправился, что могу ѣхать домой сказалъ онъ, поднявшись съ земли. Прощай, Тика, спасибо тебѣ за твою помощь, за которую я хотѣлъ бы отблагодарить тебя обращеніемъ твоей души къ истинному Богу. Вернувшись къ твоимъ, ты снова усумнишься во мнѣ, можетъ быть пожалѣешь опять, что не убила меня. Но, дасть Богъ, это будетъ послѣднимъ порывомъ возвращеннаго въ тебѣ зла! . . . Да вразумить твою душу Господь!

И свиснувъ коня, который отвѣтилъ ему громкимъ ржаніемъ, рыцарь исчезъ въ лѣсу.

* * *

Тика уже давно сидѣла на опушкѣ лѣса, не рѣшаясь вернуться въ родную хату.

Сознаніе, что она спасла жизнь врагу ливовъ, все сильнѣе охватывало ее.

„Какъ могло случиться, что она, которая надѣялась быть избранницей боговъ, и своею стрѣлой уложить врага ливовъ, нанеся ему смертельную рану, сама же спасла его отъ смерти? Одни чары этого заколдованнаго рыцаря могли заставить ее совершить это!“

И она усиленно гнала отъ себя свѣтлый образъ Бѣлаго рыцаря съ его манящимъ къ себѣ голосомъ.

„Какъ избавиться отъ его чаръ? какъ искупить свое преступленіе передъ богами?“ — мучительно спрашивала она себя.

„О! если бы только дѣдъ подозрѣвалъ о томъ, что съ нею случилось! . . . Онъ навѣрно убилъ бы ее. Отецъ — другое дѣло! . . . Она, кажется, даже рѣшилась бы во всемъ ему признаться. . . . Онъ не то, что дѣдъ, онъ щадить умѣетъ. . . . Щадить? . . . Какъ Бѣлый рыцарь? . . . Уже не оттого ли дѣдъ называетъ его „испорченнымъ христіанами“?

О, позоръ! неужели отецъ какъ и она въ сѣтяхъ христіанскаго ученія? . . .

И въ отчаяніи схвативъ въ обѣ руки голову, она низко наклонилась надъ колѣнами.

Какъ золотой парчой покрыли ее свѣсившіеся длинные рыжіе волосы.

Уже совсѣмъ стемнѣло.

Медленно опускалась къ горизонту послѣдняя грозовая туча и блѣднымъ свѣтомъ заливала луна затихавшее къ ночи селеніе, въ окошечкахъ хатокъ котораго уже потухали огни.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Тика? Твои давно тебя ищутъ! слышался возлѣ нея суровый мужской голосъ, въ которомъ она узнала Кутію.

Поднявъ голову, Тика надменно откинула ее назадъ.

— Какое тебѣ дѣло до этого?

— Меня Кирфъ послалъ тебя искать. Онъ думалъ, что ты попалась въ руки германцевъ. Если бы это случилось, клянусь, что я не оставилъ бы ни одной изъ этихъ собакъ въ живыхъ!

— Я въ твоей защитѣ не нуждаюсь! — вскочивъ, кинула она.

— Ты забываешь, что твой дѣдъ обѣщаль мнѣ продать тебя въ жены, и я скоро приду къ твоимъ родителямъ „торговать телку“*). У твоего отца нѣтъ сыновей и послѣ него Кирфъ меня назначаетъ въ старшины, съ тѣмъ чтобы я женился на тебѣ.

— Если я не захочу, ничего этого не будетъ! — топнула она ногой.

Тебя не спросятъ.

— Не совѣтую. Ты мнѣ противенъ своими окровавленными руками, отрубавшій чуть ли не ежедневно, у крѣпости Тарапиллы, ноги и руки плѣннымъ.

— Ты осмѣливаешься порицать величайшее священнодѣйствіе у жертвенника бога войны? Не хватаетъ, чтобы старый Кирфъ тебя слышалъ! . . . Ужъ не научилась ли ты этому въ лѣсу? — окинулъ онъ ее подозрительнымъ взглядомъ. — Или, пожалуй, ты подражаешь своему отцу? . . .

— Отецъ мой примѣрный ливъ и я горжусь имъ! Не мѣшало бы и тебѣ подражать ему!

*) По обычаю древнихъ ливовъ женихъ приходившій въ домъ свататься, заводилъ сначала иносказательно рѣчь о „телкѣ“, которую будто-бы пришелъ покупать, послѣ чего уже появлялась невѣста.

Одна быстро вздымавшаяся и опускавшаяся грудь дѣвушки выдавала ея волненіе.

— Не притворяйся, Тика! . . . Я вижу твоего отца насквозь, какъ и тебя сейчасъ. Не къ добру это! . . . Въ народѣ уже давно толкуютъ о странной перемѣнѣ въ ваннемсѣ и въ его друзьяхъ. . . . Вотъ и сейчасъ, когда мы въ лѣсу захватили въ плѣнъ Бѣлаго рыцаря. . . .

— Бѣлаго рыцаря?! — воскликнула Тика поблѣднѣвъ.

— Что ты такъ испугалась? — пристально поглядѣлъ на нее Кутія. Да, намъ, наконецъ, удалось схватить этого заколдованнаго рыцаря, развѣзжающаго по деревнямъ и порабошающаго своимъ ученіемъ ливовъ. Возмущенный народъ чуть не растерзалъ его и рѣшилъ принести его въ жертву Тарапиллѣ. Но твой отецъ настоялъ на томъ, чтобы рыцаря предали суду черезъ оракула, говоря, что богъ самъ укажетъ, желаетъ ли онъ его принять себѣ въ жертву. — Но что съ тобой? Ты вся дрожишь?

— Нисколько! проговорила Тика, силясь овладѣть собой. — Напротивъ, я ликую вмѣстѣ съ вами, что Бѣлый рыцарь схваченъ и предается суду Тарапилмы. . . . Но я не знаю, за что вы вините моего отца? Онъ исполняетъ лишь законъ бога войны.

— Развѣ ты не знаешь, что суду черезъ оракула предаются лишь сомнительные преступники?

И, приблизившись къ ней, онъ отчетливо произнесъ, понизивъ голосъ:

— Твой отецъ жалѣетъ рыцаря и надѣется, что его спасетъ христіанскій Богъ! . . . Вотъ почему онъ настоялъ на этомъ! . . .

— Ты лжешь! — вскричала Тика, и если ты повторишь эту нелѣпую клевету, клянусь, что ты заплатишься за нее! Я знаю, куда ведутъ твои интриги, чудовище, и я тебя ненавижу! Ты хочешь низвергнуть отца, чтобы стать на его мѣстѣ. Но это тебѣ не удастся. Я первая тебя разоблачу! . . .

— Напрасно! . . . Развѣ бы ты не хотѣла, чтобы твоимъ мужемъ и ваннемсомъ былъ второй Кирфъ? О! съ какимъ удовольствіемъ я давилъ бы этихъ ненавистныхъ германцевъ, порабошающихъ нашъ народъ и заставляющихъ его на его же собственной землѣ строить имъ замки. Заманчиво ихъ ученіе, которымъ они прикрываются, чтобы обезсилить и

обезоружить будущихъ своихъ рабовъ, для хищныхъ своихъ цѣлей! Еще сегодня могъ я убѣдиться, какую чарующею силою обладаетъ хотя бы этотъ Бѣлый рыцарь, располагая къ себѣ своимъ лукавствомъ маловѣрныхъ ливовъ, которые готовы уже укрывать его. Такъ на немъ оказалась, неизвѣстно кѣмъ, заботливо перевязанная рана кускомъ деревенскаго холста, что, безъ сомнѣнія, не обошлось безъ рукъ какой нибудь сердобольной, заговоренной имъ ливонки, до которой я охотно бы добрался! . . . Но старая колдунья, Лая, мнѣ укажетъ ее, какъ уже указала многихъ. . .

За то завтра, съ восходомъ солнца, рѣшится участь этого рыцаря! — горячо продолжалъ Кутя. — И Тарапилла его не пощадитъ! . . . А съ какимъ торжествомъ отрублю я этому христіанскому проповѣднику правую руку и правую ногу и брошу ихъ на священный валъ, на которомъ потомъ убьютъ его коня! . . . Подумай только, Тика, отъ какой опасности будетъ спасенъ народъ Цельговы вмѣстѣ съ смертью этого христіанина! . . . Вѣдь уже не одинъ округъ въ Ливоніи порабощенъ германцами! . . .

— О, если бы ты былъ такъ хорошъ, какъ хороши твои слова, чудовище! вскричала вдругъ Тика. — Ты зажегъ въ моихъ жилахъ огонь своею рѣчью. Я чувствую, какъ приливаютъ ко мнѣ силы, которыя жаждутъ борьбы съ врагомъ и его смерти! . . . Только съ его смертью отпадутъ чары съ околдованныхъ имъ ливовъ! . . . Если жребій покончить съ Бѣлымъ рыцаремъ — падетъ на тебя, чудовище, — нась повѣнчаетъ самъ Тарапилла! . . .

И, поднявъ надъ головой лукъ, она съ воинственными возгласами и дикимъ хохотомъ понеслась къ селенію.

* * *
Едва забрезжилось утро и зарумянившійся горизонтъ залилъ алымъ свѣтомъ луга, на которыхъ еще клубился туманъ, какъ народъ уже со всѣхъ сторонъ повалилъ къ крѣпости Тарапиллы.

Люди шли группами и по одиночкѣ; за ними бѣжали полунагіе ребятишки; нѣкоторыя женщины несли черныхъ лѣтуховъ для жертвоприношеній.

Среди обширнаго луга возвышался, построенный изъ вязокъ хвороста и земли валъ, который и служилъ крѣпостью во имя бога войны.

Передъ валомъ, на каменномъ жертвенникѣ, пылало высокое пламя, отъ котораго, какъ змѣя, ползла въ туманѣ черная струя дыма.

Толпа росла и сгущалась.

Въ ожиданіи жреца, народъ разсаживался на землѣ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ расположился въ травѣ кружокъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя оживленно болтали между собой. Передъ ними стояла старуха въ рубищѣ и, цоднявъ руки, чтото пророчила, шамкая беззубымъ ртомъ.

— Слетѣлись на зарѣ вороны, добычи свѣжей поклювать, да ни съ чѣмъ разлетятся, чернокрылые! . . .

— Что ты, старая Лая, говоришь? О какихъ воронахъ пророчишь? — спрашивали дѣвушки.

— Не Лая пророчить, а самъ Тарапилла ея устами говорить! . . . Дѣвица — отступница между вами росла, въ лѣсу славу свою оставила . . . народъ свой предала! . . . Дрожитъ отъ гнѣва Тарапилла: лива въ жертву требуетъ; а тотъ ливъ, хотя и человѣкъ не простой и крови знатной, да христіанами околдованный! . . .

— Не понять намъ, глупымъ, тебя, бабушка. Скажи намъ лучше простыми словами, про которую изъ насъ ты говоришь?

— Вдали чую ея духъ — духъ христіанскій. . . Коить давно зажегъ свѣтъ на небѣ, чтобы всѣмъ ливамъ видно было, а они слѣпы, и не поможетъ имъ Коить! . . .

— Расскажи намъ, Лая, лучше о Коить и о томъ, какъ зажигаетъ онъ солнышко на небѣ. Вѣдь ты все знаешь!

— Да, расскажи! . . . расскажи! окружили ее дѣвушки.

— Ишь налетѣли какъ птицы! Нечто матери ваши ничего вамъ не объясняютъ? . . . Ну, такъ слушайте-же, глупыя. И она опустила, кряхтя, на землю. Тѣснымъ кружкомъ усѣлись вокругъ нея дѣвушки, устремивъ на нее полные любопытства глаза.

— Слышь ты, голубоглазая! . . . протянула вдругъ старуха палецъ въ сторону одной изъ дѣвушекъ. — Читаю на твоемъ лбу, что тебѣ пора нести жертву на „гору парней“. . . Тебя женихъ скоро торговать придетъ! . . . Уведетъ онъ безгласную „телушку“, денюшки родимому высыпавши! . . .

— Что ты, что ты, Лая! — испуганно замахала на нее дѣвушка руками.

— Глупая! . . . говорю неси жертву на „гору парней“, чтобы злой мужъ не попался. Лая никогда не ошибается!

И пожевавъ беззубымъ ртомъ:

— Ну, такъ слушайте же, — начала она.

— У Юмалы было много слугъ. И вотъ, построивъ небо, онъ призвалъ двоихъ изъ нихъ: молодого парня Коита и дѣвушку Аэмарикъ — и велѣлъ имъ, Коиту каждое утро зажигать свѣтило на небѣ, чтобы землю освѣщать, а Аэмарикъ тушить его по вечерамъ, чтобы никакой бѣды ночью съ огнемъ не случилось. И какъ вѣрные слуги Ванна Иффа, они въ точности исполняли приказаніе.

Зажечь это Коитъ по утру — какъ вотъ сейчасъ — свѣтило и пустить его по небу, а вечеромъ Аэмарикъ его приметъ на другомъ концѣ неба, да и потушить. Въ зимніе дни — тушить раньше, потому что земля спитъ подъ снѣгомъ, а люди и звѣри все больше по жильямъ сидятъ; а лѣтомъ, когда каждый цвѣтокъ, каждая ягодка поспѣтъ хотятъ, когда человѣку на поляхъ работать нужно, Аэмарикъ и совсѣмъ не тушитъ огня, а среди ночи передаетъ его изъ рукъ въ руку Коиту, который снова пускаетъ его по небу.

Только случись это разъ, что передавая Коиту огонь и коснувшись его руки, Аэмарикъ заглянула ему въ глаза. . . . Заглядѣлся и Коитъ на Аэмарикъ, и ихъ уста слились въ поцѣлуѣ, отъ котораго такъ зарумянились щеки Аэмарикъ, что и огонь и все небо засвѣтились алымъ свѣтомъ.

Случилось это ночью и никто этого не видалъ, исключая того, глазъ котораго все видитъ. . . .

Призвалъ къ себѣ Юмала на слѣдующій день Коита и Аэмарикъ и говоритъ имъ: „Вижу, что вы полюбили другъ друга и разрѣшаю вамъ вступить въ бракъ.“ А парень съ дѣвушкой какъ бросятся ему въ ноги, да и давай его молить: „Не разрушай нашего счастья, великій Юмола, не вели намъ сочетаться бракомъ, а позволь намъ вѣчно оставаться женихомъ и невѣстой и вѣчно любить другъ друга!“

Согласился Юмола и вотъ какъ видите, — указала старуха своей худой морщинистой рукой на все ярче разгоравшееся на горизонтѣ небо, — они и по сихъ поръ продолжаютъ свое дѣло; и только однажды въ годъ встрѣчаются въ поцѣлуѣ, когда Аэмарикъ изъ рукъ въ руки передаетъ Коиту божій свѣтъ.

Умолкла старая Лая; а дѣвушки не отрывали глазъ отъ горѣвшаго на небосклонѣ огненнаго шара, разливавшаго по землѣ уже цѣлое море теплаго свѣта, отъ котораго поблѣднѣло въ безсиліи пламя на жертвенникѣ, напоминавшее о себѣ лишь трескомъ да черными клубами дыма.

— Смотрите, старый ваннемсъ съ внучкой идутъ! — указала одна изъ дѣвушекъ. — Она его подъ руку ведетъ.

— И жрецъ уже на валу! . . .

Дѣвушки вскочили и смѣшались съ толпой, которая двинулась къ жертвеннику.

Въ черномъ одѣяніи, съ протянутыми къ жертвеннику руками, жрецъ призывалъ громкими криками бога войны.

У него ногъ, передъ валомъ, стоялъ съ связанными за спиной руками Бѣлый рыцарь. Его прекрасное, блѣдное лицо было спокойно. Огонь жертвенника игралъ на его шлемѣ, а его бѣлая мантия ярко отбѣняла его на черномъ фонѣ вала, среди стоявшихъ по его сторонамъ, въ темной бурой одеждѣ, вооруженныхъ мечами ливовъ, изъ которыхъ одинъ былъ Кутіа.

Обводя мирнымъ взглядомъ толпу, Бѣлый рыцарь вдругъ остановилъ его на стоявшей рядомъ съ дѣдомъ Тикѣ, и на его лицѣ появилась ласковая улыбка.

А вслѣдъ за его взглядомъ направился другой — холодный и хищный взглядъ узкихъ глазъ Кутіа, которые какъ двѣ стрѣлы впились въ лицо смущенной дѣвушки. . . .

Икатуль объявилъ народу, что захваченный въ плѣнъ Бѣлый рыцарь отдается на судъ оракула, черезъ котораго богъ Тарапилла самъ приговоритъ плѣннаго къ жизни или смерти.

Съ его послѣдними словами, Кутіа, при громкихъ званіяхъ жреца къ богу войны, положилъ на землю свой мечъ, къ которому Икатуль подвелъ бѣлаго коня оракула.

Вся толпа пала ницъ.

Съ той минуты, какъ Тика увидала Бѣлаго рыцаря, ею снова овладѣло его обаяніе и, упавъ на землю, она, въ ожиданіи рѣшенія его участи, боялась поднять головы.

„Жизнь или смерть?“ Если бы рѣшался вопросъ ея собственной жизни — ей было бы легче.

„О, Тарапилла! защити меня отъ чаръ этого христіанина! — молила она въ иступленіи, въ то время, какъ распростертый

на землѣ старый Кирфѣ выкрикивалъ какія то заклинанія, полныя ненависти къ врагу.

Когда вся толпа поднялась, Икатуль направилъ оракула къ мечу.

Съ пылающимъ взоромъ взвился конь на дыбы и, фыркая и мотая головой, опустилсѣ на мечъ, правою ногой — „ногой жизни“.

Очнувшись отъ рева толпы, Тика вскочила на ноги и держась за грудь, въ которой бурно колотилось сердце, взглянула на рыцаря. . . .

Ихъ глаза встрѣтились: и онъ опять ей улыбнулся. . . .

Ей казалось, что онъ видѣлъ ее насквозь.

— О, горе всѣмъ ливамъ! восклицалъ жрецъ, разрывая на себѣ одежду. — Тарапилла въ своемъ гнѣвѣ на насъ, не принимаетъ больше нашей жертвы! Въ наказаніе намъ и на нашу погибель богъ даруетъ жизнь этому германцу, чтобы онъ обратилъ насъ въ своихъ рабовъ.

— Замолчи, жалкій старикъ! — раздался вдругъ голосъ Бѣлаго рыцаря. — Насквозь вижу тебя въ твоемъ лицемѣри! Не ты ли самъ, пользуясь темнотою этихъ несчастныхъ людей, обращаешь ихъ въ рабовъ воображаемыхъ боговъ, за которыми стоишь ты, съ своими соучастниками! Если ваши замысли покончить со мной не осуществились, то это лишь потому, что Господь не пожелалъ моей смерти, пока моя задача на землѣ не окончена! А потому всѣ твои лукавства, старикъ, напрасны! . . .

— Заткните глотку этой собакѣ! — старческимъ, хриплымъ голосомъ заревѣлъ Кирфѣ.

— Развѣ вы не догадываетесь, что этотъ хитрецъ посадилъ на оракула своего христіанскаго Бога, который и управлялъ имъ? Развѣ вы не видѣли, какъ конь противился, взвываясь на дыбы! . . .

— Кирфѣ правильно говорить! . . . Надо судить плѣннаго снова! . . .

— Судить снова! ревелъ толпа.

— Не надо больше! — кричали другіе.

— Довольно! . . . Самъ Тарапилла даровалъ жизнь рыцарю! . . .

— Слушайте, ливы! — кричалъ Кутія, — самъ Юмала указалъ на виновность этого рыцаря, въ чемъ вы можете

убѣдиться у Священнаго Дуба, который Ванна Иффа поразил своею огненною стрѣлой за то, что подъ нимъ скрывался этотъ коварный германецъ. Я самъ видѣлъ на влажной отъ дождя почвѣ его слѣдъ и слѣды его коня! . . .

— Стойте! . . . Я веду къ мечу оракула . . . мое право! . . . Давай сюда коня, — вскричалъ вдругъ Кирфъ, злобно выхвативъ поводье изъ рукъ сына.

— Впередъ надо сбросить съ оракула христіанскаго Бога! — кричали ему.

Ударами кнута Кутія поднялъ раза два коня на дыбы, послѣ чего Кирфъ направилъ его къ мечу.

Толпа притихла. У Тики снова замерло сердце. . . .

Разгоряченный конь опять взвился на дыбы и раздувая ноздри и брызгая пѣной, снова опустился на мечъ — правой ногой! . . .

Выпустивъ изъ руки поводье, Кирфъ со стономъ повалился на землю.

Тика бросилась къ дѣду, котораго Икатуль, съ помощью Кутіи, отнесли въ сторону и положили на траву.

— Бѣдный дѣдушка! — рыдала Тика надъ лежавшимъ безъ чувствъ старикомъ. — Изъ за твоей внучки караетъ тебя Тарапилла! . . .

— О, Тарапилла! за что ты покинулъ свой народъ! — съ отчаяніемъ въ голосъ взывалъ между тѣмъ жрецъ, колотя себя въ грудь. — Не оттого ли, что у твоего жертвенника присутствуютъ отступники, готовые промѣнять своихъ боговъ на христіанскаго! Если такъ, то прояви свою милость и укажи намъ этихъ паршивыхъ овецъ, чтобы мы могли раздѣлаться съ ними и спасти все стадо! . . .

— Тарапилла хочетъ устами Лаи повѣдать народу своихъ враговъ! . . . объявила ворожея, появляясь вдругъ передъ толпой.

— Коить уже давно и небо и землю освѣтилъ, а ливы по прежнему слѣпы, какъ въ темную ночь. И не видятъ они, что паршивыя овцы стоятъ у нихъ подъ носомъ. . . . Тарапилла устами старой Лаи назоветъ ихъ. . . .

— Не надо! — вдругъ раздался возлѣ нея молодой властный голосъ Тики. — Уйди, старуха! Я беру на себя вину всѣхъ тѣхъ ливовъ, которые, околдованные христіанскими чарами, измѣнили своимъ богамъ! Передъ всѣмъ народомъ даю я клятву Тарапиллѣ, что я своею рукой избавлю

Цельгову отъ главнаго виновника всѣхъ ея бѣдъ — Бѣлаго рыцаря!

— Слава внучкѣ Кирфа! . . заревѣлъ Кутія, а за нимъ вся толпа.

— Своею клятвою ты искупишь вину ливовъ, и народъ не забудетъ тебя! произнесъ жрецъ.

— Несчастное дитя! — проговорилъ Бѣлый рыцарь. — Твоя чистая душа терзается въ оковахъ заблужденія! . . .

— Твое мѣсто возлѣ дѣда, глупая! — кинулъ дочери Икатуль, проходя мимо нея.

И подойдя къ рыцарю, онъ развязалъ ему руки.

— Волей Тарапиллы ты, рыцарь, освобождаешься, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты больше не показывался въ Цельговѣ, — объявилъ онъ. — Удались въ стѣны твоего замка и не помышляй больше навязывать твоего Бога ливамъ!

— Навязывать можно лишь идоловъ! сказалъ рыцарь, — а всемогущій Богъ живетъ въ каждомъ изъ васъ, и я, братъ вашъ, могу только пробуждать въ васъ сознание Его!

— Какъ смѣетъ онъ такъ говорить! — Бросить его живымъ въ огонь, потрясали въ толпѣ кулаками.

— Молчать! — вскричалъ вдругъ Икатуль и глаза его заискрились недобрымъ огонькомъ. — Сегодня вы уже однажды нарушили правило суда, заставивъ оракула дважды повторить волю Тарапиллы, а теперь готовы и совсѣмъ нарушить ее. . . Смерть тому, который хоть пальцемъ каснется рыцаря! — поднялъ онъ надъ головой мечъ.

Къ рыцарю подвели его коня.

— Да снизойдетъ на васъ милость Господня, да пробудятся ваши души! произнесъ Бѣлый рыцарь уже съ лошади. И онъ шагомъ направился къ лѣсу.

Было солнечное утро.

Въ замкѣ Хоэнбургѣ давно отошла обѣдня и всѣ вассалы, ратники и слуги собрались въ залъ, гдѣ рыцарь ф. Штольценфельсъ по обыкновенію самъ читалъ въ слухъ біблію.

Дочитавъ главу и сложивъ большую пергаментную книгу, рыцарь откинулся на высокую спинку кресла и глубоко задумался.

Пропѣвъ хоромъ гимнъ, всѣ стали расходиться. Каждый спѣшилъ къ своему дѣлу.

Когда въ залѣ все стихло, ф. Штольценфельсъ поднялся съ кресла и все такъ же задумчиво подошелъ къ окну, изъ котораго открывался далекій, просторный видъ на владѣнія замка Хоэнбурга.

... „Какъ далеки мы,“ Братья Меченосцы, отъ того начала, на которомъ мы построили свой Орденъ! — думалъ онъ, глядя на разсыпанныя вдали убогія, закоптѣлыя хатки.

— Изъ за высокихъ каменныхъ стѣнъ, построенныхъ потомъ и кровью тѣхъ, которыхъ мы собирались назвать христіанскими братьями, проповѣдуемъ мы имъ — ожесточеннымъ въ язычествѣ — миръ и любовь къ ближнему, поддерживая въ нихъ въ то же время своими насиліемъ и жестокостями тѣ же ненависть и вражду! . . .

Какъ звѣрь чуетъ врага въ человѣкѣ, такъ этотъ несчастный, темный народъ чуетъ его въ германцѣ, который, забравшись въ его лѣса и приманивая его свѣтомъ христіанскаго ученія, обираетъ его и обращаетъ въ своего раба! . . .

— О чемъ это ты замечтался, Генрихъ? слышался за нимъ густой басовой голосъ.

— Я не зналъ, что ты здѣсь, дядюшка, — удивился ф. Штольценфельсъ, обернувшись и увидѣвъ рыцаря ф. Хартенштейна въ креслѣ.

— Да, я не выходилъ изъ залы и давно гляжу на тебя. О чемъ, скажи, ты такъ задумался.

— О многомъ, дядюшка. Думалъ я сейчасъ о томъ, что привело насъ въ эту дикую страну? Состраданіе-ли къ этому закастенѣлому въ язычествѣ темному народу или . . . стремленіе создать свое господство среди невѣжественныхъ людей, чтобы воспользоваться ихъ землей и ихъ руками?

— Безъ сомнѣнія — одно и другое.

— Одно и другое, дядюшка, рядомъ не идутъ, потому что одно поглощается другимъ.

— Странная у тебя манера усложнять вопросы, Генрихъ! Ты умудряешься всегда стать на обособленную точку зрѣнія, отчего и происходитъ твое одиночество въ кругу „Братьевъ“.

— Да, это вѣрно. Но не моя вина въ томъ, что я вижу иначе, чѣмъ вы всѣ; не моя вина, что я не въ состояніи заблудаться, какъ вы, допуская, что зломъ можно сѣять въ

сердцахъ добро — что огнемъ и мечемъ можно проводить ученіе Христа о состраданіи и любви къ ближнему!

— Темнота среди людей — есть зло, а зло можетъ изгоняться тѣмъ же зломъ, лишь бы оно исчезло! говоритъ ф. Хартенштейнъ съ раздраженіемъ. — Свѣтъ всегда побѣдитъ тьму и будетъ царить надъ нею! Внеси зажженный факель въ темное подземелье и свѣтъ сразу пожретъ тьму. . .

— Пожретъ тьму — это вѣрно. Но не тѣхъ людей, которые случатся въ этомъ подземельѣ, которые лишь изъ темныхъ, станутъ свѣтлыми.

— А мы къ чему же стремимся, какъ не къ тому, чтобы просвѣтить народъ? Мы тотъ факель, который его освѣщаетъ.

— Чтобы служить ему факеломъ какъ нынѣ, такъ и въ будущемъ, надо совсѣмъ другое, дядюшка! Надо слиться съ нимъ душою, какъ сливается голова съ тѣломъ. Голова управляетъ — тѣло работаетъ. Пострадаетъ голова — страдаетъ и тѣло, а занеможетъ тѣло — плохо станетъ и головѣ. Только при сляніи съ народомъ и его интересами, понимаю я наше дѣло въ странѣ. Въ противномъ же случаѣ намъ суждено на вѣки остаться здѣсь пришельцами, а пожалуй и такъ же исчезнуть, какъ мы появились здѣсь! . . . Не существовать головѣ безъ тѣла! . . . За то, у тѣла, въ смыслѣ народа, можетъ, со временемъ, развиться и своя собственная голова!

— И волковъ въ клѣткахъ можно приручить; а прикосновеніемъ каленаго желѣза, даже вполне подчинить своей волѣ. Но если придетъ время и волки вырвутся изъ клѣтокъ — не одобровать хозяину! . . .

— Твоя философія — одинъ больной бредъ, и если ты не выкинешь ее изъ головы, ты обезславишь имя твоихъ предковъ!

Не затѣмъ взялъ я тебя съ собой въ крестовый походъ на Прибалтійскій край, чтобы мякнуть въ утопическихъ проблемахъ! Зная твою неустрашимость и силу воли, я считывалъ найти въ тебѣ дѣятельнаго помощника въ покореніи края. И что-же? Однимъ лишь тормазомъ служишь ты пока въ нашемъ дѣлѣ! . . . На тебя давно косятся въ Орденѣ. Много-ли у тебя покореннаго народа? Гдѣ твои земли и богатства, кромѣ тѣхъ, которыми я тебя надѣлилъ? Твои

вассалы обогащаются на твой счетъ; народъ тебя ни во что не ставитъ, прозвавъ тебя, какъ въ сказкѣ: „Бѣлымъ рыцаремъ“! . . .

— Тѣмъ лучше. Я буду ближе къ нему — къ моей цѣли.

— Ужъ не сталъ ли ты ближе къ цѣли и послѣ того, какъ эти животныя чуть не казнили тебя и когда тебя ранили въ лѣсу? — усмѣхнулся ф. Хартенштейнъ.

— Эти два случая, дядюшка, были провидѣніемъ Господнимъ, которое на половину облегчило мою задачу. Если хоть нѣсколько ливовъ обратятся въ христіанство по собственному желанію, а не по принужденію. . . .

— Они тебя убьютъ, раньше чѣмъ ты увидишь ихъ христіанами!

— Можетъ быть. Но повѣрь, дядюшка, что зато моя смерть будетъ полезнѣе для края твоей жизни! . . . Куда ты, дядя? . . .

— Не желаю больше слушать твоихъ нелѣпостей. Да и домой мнѣ пора. Люди мои давно меня ждуть; путь вѣдь не близкій! . . . Но вотъ тебѣ мое послѣднее слово, Генрихъ! Опомнись, пока еще время. Прибери къ рукамъ своихъ людей и заставь трепетать передъ собой народъ, который въ послѣдствіи самъ будетъ благодарить насъ за насильно привитую въ его родинѣ культуру. А затѣмъ прощай. Да хранить тебя Богъ! . . .

Когда проводивъ дядюшку, ф. Штольценфельсъ вернулся въ залу, онъ нашелъ въ ней поджидавшую его кастеляншу.

— Разрѣшите мнѣ г. рыцарь сказать вамъ нѣсколько словъ, и не прогнѣвайтесь на меня, глупую женщину, начала она низко присѣдая и поднося передникъ къ глазамъ.

— Вѣдь вы знаете, г. рыцарь, какъ мы съ мужемъ преданны вамъ?

— Я никогда не сомнѣвался въ преданности твоей и Ганса, милая Марта; но скажи, въ чемъ дѣло?

— Предостеречь хочу васъ, г. рыцарь! Еще такъ недавно вы чуть не погибли, а вы все такъ же неосторожны, какъ и прежде, если не больше. Вы продолжаете выѣзжать изъ замка одни. Мало того! Вы сдѣлали распоряженіе, чтобы къ вамъ впускали каждаго лива, который пожелаетъ васъ видѣть. . . . И отчего бы вамъ не взять примѣръ съ вашего дядюшки, г. рыцаря ф. Хартенштейна, который выѣзжаетъ

не иначе, какъ окруженный своими вассалами и ратниками? За то, посмотрите, какъ его народъ боится и уважаетъ! Завидѣвъ его еще издали, ливы прячутся въ кусты, потому что они знаютъ, что онъ ничего имъ не спуститъ: въ лучшемъ случаѣ кнutomъ отщелкать велитъ, а то и голову снесетъ! Такъ и нужно имъ собакамъ! А вы все добромъ, да лаской хотите. Въдъ здѣшній народъ все равно что дикій звѣрь, г. рыцарь. Вы ничѣмъ не задобрите его! . . .

— Я и не думаю его задабривать, Марта. Я хочу лишь служить ему примѣромъ ученія Христа. Вспомни, окружалъ ли себя Христосъ вооруженными людьми? Берегъ ли онъ свою жизнь? И не смертью ли своею онъ спасъ наши души?

— Вы святой человѣкъ, г. рыцарь, и потому, должно быть намъ, простымъ грѣшнымъ людямъ не понять васъ, — говорила Марта, вытирая передникомъ слезы.

— И на кого это мы съ Гансомъ останемся, если васъ не станеть? воскликнула она, помолчавъ.

— Объ этомъ не безпокойся, моя милая Марта! — улыбнулся ф. Штольценфельсъ. — Дядюшка позаботится о васъ, въ случаѣ моей смерти, и вернетъ васъ на родину. . . . Но, кажется, уже слышится звонъ изъ новой часовни, которую я построилъ у дороги? Пошли къ ней людей, Марта. Пусть помолятся за темныя души ливовъ, которымъ она предназначена. Я радуюсь при мысли, что, можетъ быть, скоро къ ней будетъ стекаться народъ, чтобы креститься, а потомъ будетъ собираться у нея по воскреснымъ днямъ въ праздничныхъ платьяхъ, чтобы поучиться истинѣ въ словѣ Божьемъ. . . . Дождусь ли я этого?

— О! г. рыцарь, вы скоро этого дождѣтесь! Вы какъ солнышко притягиваете сердца всѣхъ людей и даже дикихъ ливовъ, между которыми, какъ говорятъ, уже многіе согласны креститься, за то и озлобляются противъ васъ ихъ главари. . . . Но не прикажете ли, г. рыцарь, остаться Гансу дома? Вамъ можетъ что-нибудь понадобится.

— Нѣтъ, пусть всѣ идутъ. Мнѣ ничего не нужно. И, сѣвъ у стола, онъ открылъ библію.

Постоявъ съ минуту и покачавъ головой, Марта тихо вышла за дверь.

Спустя нѣкоторое время, въ открытое окно со двора донеслись многочисленные голоса выходившихъ за ворота

слугъ и все въ замкѣ опять стихло. Слышался лишь въ дали серебрястый звонъ новой часовни.

Повернувъ нѣсколько страницъ Новаго Завѣта, ф. Штольценфельсъ громко прочель: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. . . .“

Такъ всякое дерево хорошее приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые. . . .“

Не можетъ дерево хорошее приноситъ плоды худые, ни дерево худое приноситъ плоды добрые.

Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи, не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили?

И тогда объявлю имъ: „Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе!“

— „Забыли они видно слова Христа и думаютъ хищничествомъ и жестокостями достигнуть благихъ цѣлей въ этомъ краѣ!“

„Убьютъ они тебя!“ — вспомнились ему слова дядюшки. Онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Да, она поклялась и постарается исполнить свое дѣло. Несчастливая дѣвушка! Сколько силы и стремленія къ превратно понимаемой истинѣ, въ этой темной душѣ! . . . Освѣтитъ эту юную жизнь и вывести изъ заблужденій — и она расцвѣтетъ полной красой христіанской чистоты! . . .“

Какая то давящая тоска снова сжала его сердце.

Онъ сѣлъ опять у библіи и, открывъ ее на заложеной замѣткой страничкѣ, прочель слѣдующія строки:

„Авва Отче! все возможно Тебѣ; пронеси чашу сію мимо Меня; но не чего Я хочу, но чего Ты.“

И положивъ лицо въ руки, онъ глубоко задумался. . . .

* * *

Уже третій день блуждала Тика въ Хоэнбургскомъ лѣсу, поджидая то тутъ то тамъ Бѣлаго рыцаря.

Прискакавъ изъ Цельгова на своемъ Ерѣ, она оставила его по дорогѣ въ ливонской деревушкѣ и, пробравшись пѣшкомъ до самаго замка ф. Штольценфельса, стала выслѣживать свою жертву.

Всѣми ея ощущеніями владѣла одна мысль — привести въ исполненіе свою клятву, данную Тарапиллѣ и народу.

„Только исполнивъ клятву, могла она возстановить свое прежнее спокойствіе и свою прежнюю славу: „отважной и неустрашимой внучки Кирфа!“

Минутами ей представлялось кроткое и прекрасное лицо рыцаря, слышались его ласковыя слова и она чувствовала на себѣ его покойный, дружескій взглядъ. . . . Что то ослѣпительно яркое вспыхивало тогда въ ея душѣ, но оно тотчасъ же подавлялось ужасомъ сознанія преступности. И испустивъ дикій крикъ какъ раненный звѣрь, она бросалась бѣжать по лѣсу, стараясь въ воинственномъ возбужденіи заглушить свои чувства, которыя она объясняла „христіанскими чарами“.

Въ ливонской деревушкѣ Тика узнала, что Бѣлый рыцарь почти ежедневно посѣщаетъ построенную имъ у дороги часовню.

И ей удалось однажды подстеречь его. . . .

— О! какъ билось тогда ея сердце, и какимъ очарованнымъ и въ то же время хищнымъ взглядомъ проводила она его тогда!

Но онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ съ другими обитателями замка, и она почувствовала невольное облегченіе отъ сознанія невозможности воспользоваться случаемъ для своего темнаго замысла.

Съ ранняго утра поджидала она теперь выходъ рыцаря изъ замка.

Она уже знала, что звонъ въ часовнѣ призывалъ христіанъ къ молитвѣ. Знала и то, что рыцарь часто выходилъ изъ замка отдѣльно отъ другихъ.

Она видѣла, какъ изъ воротъ вышли слуги, какъ за ними потянулись ратники. . . .

Но Бѣлаго рыцаря не было съ ними.

„Онъ остался въ замкѣ!“ рѣшила она, не могла же она его проглядѣть! . . .

Воспользовавшись минутой, когда привратникъ заговорился съ однимъ изъ выходившихъ слугъ, Тика прошмыгнула во дворъ и, скользнувъ вдоль стѣнъ, скрылась подъ сводами темныхъ сѣней.

Ощупавъ мечъ, который она прятала въ складкахъ своей юбки, она благополучно пробралась до галереи и открытой двери въ залу. . . .

Припавъ спиной къ притолкѣ и притаивъ дыханіе, она не сразу нашла въ себѣ силу двинуться дальше.

Передъ нею, низко наклонившись надъ столомъ и положивъ голову въ руки, сидѣлъ Бѣлый рыцарь. . .

Но вдругъ рванувшись къ нему какъ безумная, она вонзила ему мечъ въ лѣвый бокъ. . .

Вскочивъ на ноги и устремивъ глаза, полные нѣмого ужаса, на свою убійцу, ф. Штольценфельсъ упалъ въ кресло, по сторонамъ котораго безжизненно повисли его руки.

Выпустивъ изъ рукъ мечъ, который со звономъ упалъ на полъ, вся съежившись, какъ подъ навалившеюся вдругъ на нее страшную тяжестью, стояла Тика передъ своею жертвою и дико горѣлъ ея взглядъ, прикованный къ помертвѣвшему лицу рыцаря.

Кругомъ все молчало.

Ни однимъ стономъ, ни однимъ вздохомъ не нарушалась царившая въ замкѣ тишина. Одинъ тихій звонъ часовни доносился издали. . .

И вдругъ глаза рыцаря открылись и съ кротостью остановились на дѣвушкѣ.

— Свершилось! . . . произнесъ онъ тихо. . .

— Я зналъ, что ты придешь, Тика! Но придешь ли ты уже христіанкой въ душѣ, или затѣмъ, чтобы цѣною моей жизни сдѣлаться ею — я этого не могъ предугадать. . . Ты убила меня. Но за то ты муками раскаянія очистишь свою душу отъ заложеннаго въ ней язычествомъ зла.

— О, рыцарь, не терзай меня больше! . . . упала вдругъ Тика къ его ногамъ, ломая руки. — Я исполнила свою клятву, надѣясь избавиться отъ твоихъ чаръ. Но боги покинули меня и я по прежнему въ твоей власти, я не могу жить безъ тебя и я должна умереть.

И схвативъ мечъ, она направила его въ свою грудь.

— Не дѣлай этого, Тика! — вскричалъ ф. Штольценфельсъ, весь приподнявшись въ креслѣ. — Неужели ты думаешь исправить свое преступленіе новымъ преступленіемъ?

Мечъ снова упалъ къ ногамъ дѣвушки, и она въ отчаяніи схватилась за голову.

— Нѣтъ, Тика, чтобы поправить то, что ты совершила — ты должна жить! . . . Черезъ мою смерть ты станешь христіанкой и будешь продолжать мое дѣло . . . въ твоёмъ

народѣ, чѣмъ продолжишь и мою жизнь, такъ какъ тогда я буду жить въ тебѣ. . . .

И первый стонъ вылетѣлъ изъ его груди.

Съ крикомъ отчаянія, бросилась Тика къ умирающему и, обнявъ его колѣни, положила на нихъ голову.

— Слушай, Тика! — тихо заговорилъ опять ф. Штольценфельсъ, проводя рукою по ея головѣ. — Я такъ же, какъ и ты, желаю блага для твоего народа, хотя мы съ тобой различно понимаемъ это благо — ты въ задабриваніи вымышленныхъ злыхъ боговъ . . . а я въ христіанскомъ ученіи, которое даетъ людямъ миръ и любовь. . . .

Когда меня не станетъ, Тика, вернись къ своимъ и положи всѣ свои силы на то, чтобы обратить ихъ души къ истинному Богу, за то Онъ проститъ тебѣ твой тяжкій грѣхъ и благословитъ тебя тѣмъ душевнымъ счастіемъ, котораго ты еще не испытала.

— Клянусь, что отнынѣ твой Богъ будетъ моимъ! . . . вскричала вдругъ Тика, вскочивъ на ноги. — У Юмалы нѣтъ такихъ людей, какъ ты, а я хочу во всемъ походить на тебя, рыцарь!

— Спасибо, Тика! . . . теперь я умру спокойно. — Но не называй меня рыцаремъ, а зови меня Генрихомъ . . . со смерти моей матери ни одинъ женскій голосъ не произносилъ моего имени. . . . А развѣ мы съ тобой не братья и сестра?

— Я буду дѣлать все, что ты мнѣ велишь! Я буду звать тебя Генрихомъ и буду сестрой твоей, буду христіанкой и буду ливовъ учить тому, чему ты меня научилъ! Но я не хочу, чтобы ты умеръ! . . . умеръ отъ моей руки! . . . Я созову твоихъ людей, чтобы они помогли тебѣ! . . .

— Да, позови ихъ, Тика. Они мнѣ не помогутъ, но я хочу еще успѣть причаститься святыхъ таинъ и со всѣми проститься. . . .

Тика бросилась къ дверямъ. Въ галереѣ слышались голоса возвращавшихся слугъ. . . .

*

*

По всей Цельговѣ разнесся слухъ о разразившемся надъ домомъ ваннемся гнѣвѣ Тарапиллы, за непокорность ему Икатула и его дочери, которая похищена очаровавшимъ ее Бѣлымъ рыцаремъ, и о томъ, что старый Кирфъ пораженъ

внезапно смертью въ ту самую минуту, когда собравъ вокругъ себя всѣхъ селянъ, онъ яростно призывалъ ихъ идти на замокъ Хоэнбургъ.

По обычаю ливовъ, наступилъ цѣлый рядъ пиршествъ въ честь умершаго, который могъ быть похороненъ только послѣ того, какъ онъ побываетъ на прощальныхъ чествованіяхъ у всѣхъ родныхъ и друзей.

Передъ хатой ваннемса, за длиннымъ столомъ, уставленномъ кувшинами съ брагой и разною снѣдью, на первомъ мѣстѣ котораго посаженъ былъ покойникъ, пировали знатнѣйшіе ливы, восхвалявшіе цѣлымъ хоромъ доблести умершаго.

Имъ вторилъ толпившійся вокругъ стола народъ и тысяча голосовъ сливались въ неумолкаемый гулъ, напоминавшій ревъ моря и грозно перекатывавшійся въ вѣковомъ лѣсу.

Тѣдъ, у которой при мысли о дочери не переставали катиться слезы, едва поспѣвала, съ помощью другихъ женщинъ, снабжать столъ пищею, которую она черпала изъ висѣвшаго надъ костромъ котла.

Икатуль былъ молчаливъ и пасмуренъ. За то жрецъ и Кутіа горячими возваніями призывали народъ исполнить требованія Кирфа и разгромить замокъ Хоэнбургъ, чтобы возстановить милость Тарапиллы къ ливамъ и вырвать изъ рукъ христіанъ внучку покойнаго ваннемса.

Громкимъ сочувственнымъ ревомъ отвѣчали имъ разгоряченные брагой ливы.

Поминки продолжались и всѣ послѣдующіе дни и вся толпа, вмѣстѣ съ покойникомъ, переселялась съ одного мѣста на другое, продолжая пировать. Продолжали и Кутіа съ жрецомъ свои подстрекательныя рѣчи, и вскорѣ вся толпа, мужчинъ и женщинъ, вооруженная чѣмъ попало, съ воинственными пѣснями, двинулась черезъ лѣсъ къ замку Хоэнбургъ.

Съ мрачными лицами, разъѣхались въ этотъ день изъ Хоэнбурга рыцари, пріѣзжавшіе отдать послѣдній долгъ погибшему товарищу—брату.

На обратномъ пути своемъ, они не переставали обсуждать между собой „безразсудство покойнаго Генриха ф. Штольценфельса, который своими утопическими взглядами на дѣло въ новомъ краѣ самъ себя погубилъ, какъ и можно было

того ожидать.“ Еще болѣе дивились они завѣщанію его, которымъ онъ возвращалъ народу всѣ отнятыя у него земли.

— Что и говорить! блаженъ былъ умомъ покойный. Думалъ путемъ примѣра въ дикомъ народѣ христіанство распространить! Извѣстно, такимъ путемъ далеко не уйдешь! Звѣря однимъ страхомъ сократишь! Самъ себѣ яму вырылъ! слышались замѣчанія среди рыцарей. . .

А въ главномъ залѣ замка Хоэнбурга, по повелѣнію фонъ Хартенштейна, собрались всѣ вассалы, ратники и слуги, которыхъ онъ созвалъ, чтобы объявить, „что съ настоящаго дня онъ ихъ повелитель и владѣтель замка; что отнынѣ въ замкѣ Хоэнбургѣ нѣтъ больше состраданія къ язычникамъ, какъ нѣтъ помилованія тому христіанину, который будетъ укрывать язычника!“

Громкіе, одушевленные крики: „да здравствуетъ рыцарь Хартенштейнъ!“ грянули въ отвѣтъ на его рѣчь, и долго еще потомъ перекатывались въ длинныхъ корридорахъ замка, до самаго подземелья. . . .

Не успѣли еще эти отзвуки заглухнуть, какъ съ замковой башни вдругъ раздался сигналъ боевой трубы. Почти одновременно въ залъ поспѣшно вошелъ ленникъ и объявилъ рыцарю, что народъ изъ Цельговы „черной тучей надвигается на замокъ.“

— На стѣны! вскричалъ ф. Хартенштейнъ. — Размести эту челядь! . . . Горячей смолою залить ее!

— Они требуютъ выдачи имъ ливонской дѣвушки, которая въ замкѣ. Она дочь ихъ старшины, — докладывалъ ленникъ.

— Такъ выкинуть ее къ нимъ! Довольно уже того, что я, исполняя волю умершаго, не велѣлъ снести голову этой убійцѣ, называющейся христіанкою! . . .

— Напрасны твои угрозы, рыцарь — предстала вдругъ передъ нимъ Тика. — Вели выпустить меня къ народу, и я ручаюсь тебѣ, что онъ съ миромъ отступитъ отъ твоего замка!

— Не я тебя буду упрашивать остаться здѣсь, — кинулъ ей ф. Хартенштейнъ, хотя, въ память племянника, долженъ предупредить тебя, что, какъ христіанку, они тебя какъ волки растерзаютъ.

— Если они меня убьютъ, я умру какъ Генрихъ и тогда они повѣрятъ тому, чему онъ велѣлъ мнѣ ихъ учить!

— Какъ смѣешь ты, холопка, называть рыцаря ф. Штольценфельса по имени! вскричалъ ф. Хартенштейнъ.

— Такъ повелѣлъ мнѣ покойный рыцарь.

— Ужъ не за то ли, что ты убила его?

— Не знаю я этого. Онъ такъ велѣлъ, а въ немъ говорить христіанскій Богъ, волю котораго я буду исполнять до послѣдняго издыханія, такъ же, какъ Генрихъ! . . .

— Выпустить ее за ворота! приказалъ рыцарь. — Пусть покажетъ свои способности укротительницы дикихъ звѣрей.

— Позволь мнѣ, рыцарь, сопровождать эту дѣвушку, — обратился къ нему патеръ, бывший духовникъ Генриха. — Г. рыцарь ф. Штольценфельсъ поручилъ ее моей защитѣ и я обѣщала ему не покидать ее въ опасную минуту.

— Ты забываешь, отецъ, что если она погибнетъ отъ мести этой толпы — ты погибнешь вмѣстѣ съ нею и твоя защита не спасетъ ее. — Возьми съ собой, по крайней мѣрѣ, ратниковъ.

— Благодарю тебя, рыцарь. Но если народъ намъ не повѣритъ, ратники насъ не спасутъ. Пусть лучше одинъ Господь будетъ нашимъ хранителемъ!

— Твоя смѣлость и вѣрность долгу дѣлаютъ тебѣ честь, отецъ. Пусть будетъ по твоему. — А въ случаѣ, что эти животныя бросятся на тебя, мы постараемся тебя выручить.

Поклонившись рыцарю, патеръ, въ сопровожденіи дѣвушки, направился къ выходу.

Всѣ находившіеся въ залѣ почтительно разступались передъ ними, провожая ихъ нѣмымъ, скорбнымъ взглядомъ, какъ бы не надѣясь ихъ болѣе увидѣть.

А изъ за стѣнъ замка, на которыхъ собрались ратники, все громче слышались дикіе, угрожающіе крики съ каждой минутой разрастающейся толпы. . . .

Но вотъ подъемный мостъ у воротъ тихо опустился и передъ разъяренной толпой появилась Тика. . . .

Патеръ, съ крестомъ въ рукахъ, стоялъ рядомъ съ нею.

— Зачѣмъ вы собрались здѣсь, ливы? — обратилась Тика къ толпѣ. — Если вы пришли за мною — я передъ вами. Я христіанка! Дѣлайте со мной что хотите, такъ какъ нѣтъ смерти, которой бы я не заслуживала.

Гуль въ толпѣ на минуту прервалъ ея слова.

— Но не за то, за что вы меня обвиняете, — продолжала она, — передъ вами, родные мои, я не виновата! Я принесла

всю себя въ жертву вамъ и вашимъ богамъ, вѣря что я дѣлаю вамъ благо. Вина же моя въ томъ, что, вѣря въ ваше ученіе, я убила человѣка, который былъ лучше насъ всѣхъ, который желалъ ливамъ одного добра! . . .

Ревъ толпы прервалъ ее.

— Слышали? — она христіанка! . . . Сама призналась! . . . Она народъ Бѣлому рыцарю предаетъ! . . . На крѣпость Тарапиллы ее! . . .

— Тика! — вдругъ выступилъ изъ толпы ея отецъ — признавайся, какъ ты попала въ этотъ замокъ?

— Я пробралась въ него, отецъ, чтобы исполнить свою клятву, данную у крѣпости Тарапиллы, и я убила Бѣлаго рыцаря. . . . Его больше нѣтъ! . . .

— Не вѣримъ! . . . Не правда это! . . . кричали въ толпѣ.

— Она говоритъ правду, братья мои! вступился патерь. Она убила того, котораго вы называли „Бѣлымъ рыцаремъ“ и который любилъ васъ больше самаго себя. Но своею праведною смертью и заботою о васъ, онъ успѣлъ открыть этой дѣвушкѣ истиннаго Бога, любящаго и милосерднаго, который велитъ людямъ жалѣть и любить другъ друга, а не проливать кровь, какъ ваши боги этого требуютъ. Убѣдившись же въ истинѣ ученія Христа, она хочетъ открыть и вамъ, слѣпцамъ, глаза, чтобы спасти души ваши отъ гибели среди пороковъ и преступленій! . . .

— Замолчи, собака! — вырвался изъ толпы съ пѣной у рта Кутіа. — Развѣ вы не видите сѣтей, которыя онъ разставляетъ передъ вами? — кричалъ онъ толпѣ, брызгая отъ бѣшенства слюней. — Они околдовали внучку Кирфа, а теперь и за насъ принимаются! Гдѣ ваша сила и храбрость, ливы? Разгромить Юмола васъ и не видать вамъ больше вашихъ хать, если вы тутъ же не отомстите христіанамъ! . . .

— Тарапила говоритъ моими устами! — восклицалъ жрецъ, поднявъ руки надъ головой. — Онъ велитъ вамъ сейчасъ же схватить и принести ему въ жертву христіанъ, которые осмѣливаются возбуждать ливовъ противъ боговъ! . . .

— Молчи, коварный старикъ! вскричала Тика. — Теперь я понимаю весь твой обманъ, которымъ ты морочишь людей! Я готова умереть на кострѣ, но не въ жертву твоимъ богамъ, а чтобы искупить, вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ, и грѣхи ливовъ,

чтобы они увѣровали въ христіанскаго Бога, какъ я увѣровала въ Него, слушая Бѣлаго рыцаря!

— Онъ околдовалъ тебя! — кричали въ толпѣ.

— Какое добро видѣли мы отъ него, кромѣ его словъ?

— Онъ всѣ земли свои завѣщаль вамъ и хотѣлъ ихъ при жизни раздать! воскликнула Тика.

— Кто тебѣ повѣритъ? Какой человѣкъ добровольно откажется отъ своего добра? — отвѣчали ей.

— Ливы! не слушайте больше этихъ христіанъ, если не хотите попасть въ ихъ сѣти! — кричалъ Кутіа. — Они васъ обманываютъ, чтобы обратить васъ въ рабовъ Бѣлаго рыцаря! Не вѣрю я, что онъ убить! Все это одна ловушка для народа! . . . . Пусть-же смертью заплатятъ тѣ, которые ее разставили! . . .

И, поднявъ надъ головой мечъ, онъ рванулся въ сторону дѣвушки и патера. . . .

Но вдругъ передъ нимъ, какъ изъ подъ земли, выросъ Икатуль — и мечи ихъ скрестились.

— Не тронь дочери моей, или я уложу тебя самого на мѣстѣ! — вскричалъ онъ.

— Объявляю всѣмъ ливамъ, — обратился онъ къ толпѣ, — что и я въ душѣ христіанинъ, какъ, должно быть, и всѣ тѣ, которые слышали Бѣлаго рыцаря! Я пришелъ за вами сюда не чтобы громить этотъ замокъ, а чтобы отстоять его!

— Отецъ! — бросилась къ его ногамъ Тика, обнимая его колѣни.

— Хватайте, вяжите его! — кричали въ толпѣ, протискиваясь впередъ.

— Смерть предателю! — вскричалъ Кутіа, бросившись на Икатула, но пораженный его мечемъ замертво повалился на землю.

Вокругъ Икатула толпа росла и сгущалась.

— Не дадимъ ваннемса и его дочери въ обиду! — кричали его сторонники. — Довольно уже того, что мы погубили Бѣлаго рыцаря, который хотѣлъ насъ облагодѣтельствовать!

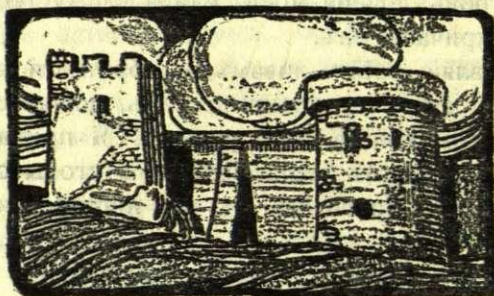
— Смерть христіанамъ! . . . кричали гругіе. Толпа распалась на двѣ части, которыя готовы были броситься другъ на друга. . . .

У воротъ замка появились ратники. . . .

— За мною всё тѣ, которые вѣруютъ въ христіанскаго Бога и согласны креститься у часовни Бѣлаго рыцаря! — вскричала вдругъ Тика, высоко поднявъ надъ головой выхваченный изъ рукъ патера крестъ, который сразу весь окутался, какъ золотой паутиной, раздувавшимися вѣтромъ волосами дѣвушки.

Съ торжествующими, восторженными криками, передъ которыми въ безсиліи отступили язычники, двинулись за нею сотни ливовъ. . . .

На слѣдующій день состоялись торжественные похороны Кирфа, на могилѣ котораго въ Цельговѣ впервые была произнесена христіанская молитва его внучкою. . . .

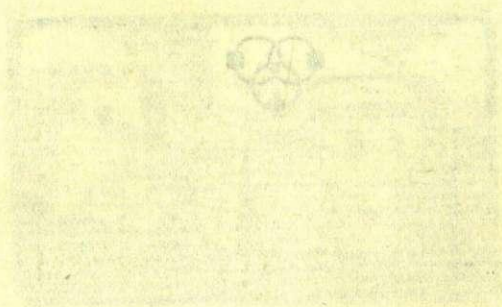

КАРЛИКЪ КРОРОЛЯ

Л. ТУГАНЪ.

КАПИТАЛЪ КОПОИ

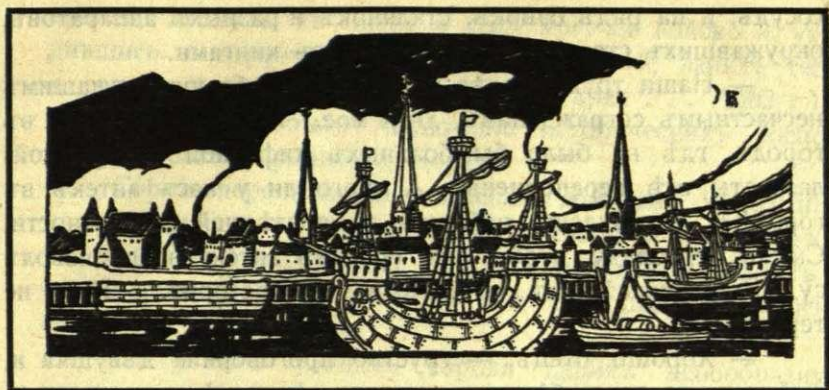
И. П. ТАЛАН

ПО ОРИГИНАЛН. РИСУНКУ
МАРГО ГРОССЕТЪ — ВЪНА

ПЕЧАТАНО ВЪ ГРАФИЧЕСК. ХУДОЖЕСТВ. ЗАВЕДЕНИЯХЪ
АЛЕКСАНДРА ГРОССЕТЪ П. ФИРМ. Ф. ДЕЙТШЪ, РИГА

КАРЛИКЪ КОРОЛЯ.

тецъ, посмотри что дѣлается на улицѣ! — позвала Агда, вбѣжавъ въ маленькую лабораторію своего отца.

Старикъ, къ которому относились слова молодой дѣвушки, углубленный въ чтеніе большой пергаментной книги, медленно поднялъ свою сѣдую какъ лунь голову и разсѣянно посмотрѣлъ на дочь черезъ круглые очки.

— Что ты сказала, дитя мое?

— Я зову тебя поглядѣть на улицу, отецъ. Герольды скачутъ по всему городу, собираютъ народъ и именемъ польскаго короля приказываютъ рижанамъ безъ сопротивленія открывать двери своихъ жилищъ польскимъ воинамъ, чтобы они могли свободно входить въ нихъ. Но Бертольдъ говорить, что тебя, какъ ученаго, это распоряженіе не касается и онъ не хочетъ открывать аптеки, зная какъ ты дорожишь порядкомъ въ ней и опасаясь безчинствъ со стороны солдатъ.

— Скажи ему, что это напрасно. Теперь мы во власти враговъ и двери не защитятъ насъ отъ ихъ насилія, если они пожелаютъ опустошить аптеку.

— Но, въ такомъ случаѣ и всѣ твои труды, отецъ, напрасны! Ты почти всю ночь работалъ съ помощью одного Бертольда и вотъ опять за дѣломъ, — указала она на очагъ, гдѣ надъ синеватымъ пламенемъ дымился небольшой чугунный

сосудъ, и на рядъ банокъ, стклянокъ и разныхъ аппаратовъ, окружавшихъ старика среди полокъ съ книгами.

— Наши труды болѣе чѣмъ когда-либо нужны нашимъ несчастнымъ согражданамъ, дитя мое. Почти нѣтъ дома въ городѣ, гдѣ не было бы больныхъ тифозной лихорадкой; лазареты всѣ переполнены. А много ли у насъ аптекъ въ городѣ? . . . Будемъ работать до послѣдней возможности. Скажи Бертольдъ, чтобы онъ бросилъ аптеку на произволь судьбы и поспѣшилъ ко мнѣ въ лабораторію. Дѣло не терпитъ!

— Хорошо, отецъ, — грустно проговорила дѣвушка и, выйдя за дверь, побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

А старикъ, подперевъ съдую голову рукой, глубоко задумался.

Въ его мысляхъ, какъ въ яркой панорамѣ, пронеслась исторія его родного города. Онъ вспоминалъ о томъ, какъ почти 4 вѣка тому назадъ*), для поддержанія въ Ливоніи заложеннаго начала распространенія христіанства, Бременскимъ Архіепископствомъ былъ командированъ каноникъ Альбертъ**), который, набравъ въ Готландѣ 500 человекъ, направился крестовымъ походомъ къ Балтійскимъ берегамъ, и на Двинѣ появились 23 парусныхъ корабля; какъ, не смотря на стойкое сопротивленіе Ливовъ, Альберту удалось построить, для обезпеченія торговли, укрѣпленія, которыя и послужили зачаткомъ вольнаго города Риги; какъ вокругъ города построена была высокая каменная стѣна и заложена въ немъ первая церковь Св. Маріи; какъ года два спустя, Альбертъ основалъ для защиты страны, а также съ цѣлью распространенія христіанства Ливонскій Орденъ или Орденъ Братьевъ Меченосцевъ, бѣлыя мантіи которыхъ носили въ видѣ эмблемы ордена изображенія краснаго цвѣта креста и меча, какъ вскорѣ послѣ того орденъ вступилъ въ борьбу съ рижскимъ епископствомъ, которому отказывался повиноваться; какъ въ „Ливонской войнѣ“ Москва наноситъ ордену жестокой ударъ, а быстрыя и успѣшныя дѣйствія московскихъ войскъ лишаютъ его важнѣйшихъ городовъ, какъ Дерпта, Нарвы, Феллина, Везенберга и др. и какъ, наконецъ, польскій король Стефанъ Баторій, воспользовавшись безпомощностью

*) 1200 года.

**) Въ послѣдствіи первый епископъ въ Ригѣ.

ордена, двинулъ въ Ливонію свое могучее войско и, утвердившись въ странѣ по договору въ Вильнѣ, занялъ теперь и городъ Ригу — сердце Балтійскаго края . . . (1582 г.).

Безотрадно было заключеніе историческихъ воспоминаній стараго фармацевта, Дорна.

Городъ переполнялся вражескими войсками. Горожанамъ, за исключеніемъ проповѣдниковъ, ученыхъ и ратсгеровъ съ ихъ слугами, повелѣвалось впускать польскихъ воиновъ въ свои жилища, въ которыхъ они распоряжались какъ у себя дома.

На узкихъ улицахъ города царилъ невообразимый хаосъ.

Въ городскія ворота тянулись войска, обозы, слышались команда, крики, перебранка, лязгъ оружія, заглушавшіеся ржаніемъ лошадей и скрипомъ колесъ.

Какъ орелъ въ когтяхъ льва, замеръ вольный городъ во власти наводнишаго его врага, и въ домахъ царили уныніе, страхъ и отчаяніе. Да и какъ было не унывать и не отчаиваться рижанину въ послѣдніе часы независимости своего родного города, которому съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней не пришлось больше пользоваться самостоятельностью!

Въѣздъ короля Стефана въ городъ послѣдовалъ изъ замка къ „Песочнымъ Воротамъ“, гдѣ его встрѣтили бургомистръ и ратсгеры. Проѣзжая по улицамъ при громкой пальбѣ съ бойницъ и стѣнъ башенъ, король, молча обводилъ глазами главнѣйшія строенія и церкви, которыя ему попадались по пути.

Среди города были построены триумфальныя ворота, на которыхъ расположился канторъ съ инструментами и хоромъ мальчиковъ, изображавшихъ ангеловъ. Въ то время, какъ король, съ своей блестящей свитой въѣзжалъ въ ворота, ангелы трижды спустили на его голову корону, провозглашая: „Salve Stephanus rex Poloniae!“ т. е. „да здравствуетъ Стефанъ, король польскій!“

Придержавъ коня и молча выслушавъ это привѣтствіе, король двинулся на городскую площадь, гдѣ былъ воздвигнутъ замокъ, весь оправленный фейерверкомъ.

Пестрой толпой собрались на площади народъ въ праздничныхъ платьяхъ и воины. Послѣдніе разукрасили свои оружія и аллебарды огнями.

При появленіи короля, фантастическій замокъ разомъ освѣтился; съ трескомъ заискрились по нему разноцвѣтные огни, и онъ сгорѣлъ на его глазахъ.

* * *

Въ низенькомъ, полутемномъ отъ закрытыхъ на улицу дверей, помѣщеніи аптеки, съ небольшимъ, въ мелкихъ квадратахъ окошкомъ, было мрачнѣе обыкновеннаго.

Сурово глядѣли съ полокъ большія бутылки и банки, съ кабалистическими знаками, а стѣнные деревянные часы съ изображеніемъ надъ циферблатомъ смерти, въ видѣ скелета съ косою, угрюмо отбивали удары своимъ крупнымъ, изображавшимъ человѣческой черепъ маятникомъ. Зловѣще глядѣлъ изъ подъ бревенчатаго потолка набитый филинь своими желтыми, кошачьими глазами, словно не замѣчая висѣвшей передъ нимъ ящерицы. . .

Пріотворивъ дверь, Агда неслышно вошла въ аптеку.

Передъ окномъ, скрестивъ руки на груди, стоялъ стройный молодой человѣкъ, угрюмо слѣдившій за движеніемъ на улицѣ.

На его энергичномъ лицѣ съ сдвинутыми бровями и тѣсно сжатыми губами, можно было прочесть гордость, негодованіе и злобу.

— Бертольдъ! — тихо позвала Агда, положивъ руку на плечо молодого человѣка. — Отецъ зоветъ тебя. Онъ велитъ бросить аптеку на произволь судьбы. . .

— Онъ велитъ, говоришь ты? — круто обернулся онъ къ ней. — Я всегда во всемъ повиновался твоему отцу, но на этотъ разъ я готовъ послушаться его. Я не открою дверей добровольно! Пусть силой ее открываютъ эти мерзавцы, если ихъ на то станеть! По крайней мѣрѣ я могу выкинуть одного, другого изъ нашего дома!

— Умоляю тебя, не дѣлай этого; вѣдь они убьютъ тебя! — вскричала Агда, ломая руки.

Онъ молча посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и лицо его вдругъ приняло мягкое выраженіе.

— Бѣдная моя Агда! — взялъ онъ ея руки. — А какъ еще недавно, когда отецъ твой разрѣшилъ намъ обручиться, мы мечтали о близкомъ нашемъ счастіи! Какъ радовались мы въ тотъ день; сколько плановъ строили на будущее! Кто знаетъ теперъ, осуществятся ли наши мечты! . . .

Закрывъ лицо руками, Агда склонила голову на его плечо, а онъ тихо гладилъ ея бѣлокурую голову, съ которой на ея грудь спадала тяжелая коса.

Агда и Бертольдъ росли дѣтьми вмѣстѣ, какъ братъ и сестра, хотя Бертольдъ былъ лишь пріемнымъ сыномъ фармацевта Дорна.

Послѣдній принялъ его въ свой домъ круглымъ сиротой, какъ сына своего друга и, будучи тогда уже вдовцомъ, самъ вырастилъ и воспиталъ обоихъ дѣтей, не дѣлая между ними никакой разницы.

Въ душѣ онъ съ самаго начала мечталъ объ ихъ бракѣ въ будущемъ и, когда молодые люди признались ему въ своей взаимной любви, онъ съ радостью благословилъ ихъ.

— Иди скорѣй къ отцу, онъ тебя ждетъ! — напомнила Агда, поднявъ на жениха мокрые отъ слезъ глаза.

Очнувшись отъ задумчивости, Бертольдъ поспѣшно вышелъ за дверь, а Агда стала у окна и, прислонивъ голову къ косяку стала разсѣянно смотрѣть передъ собой.

— Панна Агда! панна Агда! — просунулась въ дверь старая Мальвина, вынянчившая Агду и Бертольда и служившая теперъ экономкой въ домѣ Дорна. Она была литовская полька и, хотя говорила по нѣмецки, но предпочитала съ дѣтьми говорить на родномъ языкѣ, на которомъ они и выучились свободно объясняться.

— Что тебѣ, Мальвина?

— Я сейчасъ узнала, что король объѣзжаетъ весь городъ и скоро будетъ въ нашемъ кварталѣ. Если хотите посмотрѣть на него, я васъ провожу.

— Нѣтъ, спасибо, Мальвина. Я не люблю толпы. Да и смотрѣть не хочу на торжество врага нашего города!

— Ну, какъ хотите. А мнѣ не терпится взглянуть хоть краемъ глаза на короля, который, говорятъ, какъ солнце сіяетъ: золотомъ и драгоценными каменьями. Погляжу и вамъ расскажу!

И она скрылась за дверью.

Погруженная въ свои невеселыя мысли, Агда стала смотрѣть въ окно, передъ которымъ тянулись войска, то пѣшія, то конныя. Между ними попадались частные люди, возы, фуры, которые медленно уносились словно теченіемъ по одному направленію.

Улица напоминала бурно стремящуюся къ устью рѣку. . .

А вотъ большая, покачивающаяся на высокихъ, круглыхъ рессорахъ колымага, запряженная 3-мя парами лошадей . . .

Въ ея открытыя дверца можно разглядѣть, на роскошной бархатной подушкѣ, крошечную бѣленькую собачку.

Въ колымагѣ какая то возня . . . Кто-то высывается и что-то кричить . . . Вокругъ экипажа хлопочатъ гайдуки . . . Но ряды гусаровъ заслоняютъ дальнѣйшее отъ взора Агды, а колымага вытѣсняемая общимъ движеніемъ, продолжаетъ двигаться впередъ.

Вдругъ Агда схватилась за голову и вскрикнула . . .

На мостовой, подъ ногами лошадей, барахталось какое то маленькое существо въ изящной разноцвѣтной одеждѣ.

Кавалеристы сдерживали своихъ фыркавшихъ и поднимавшихся на дыбы коней, но натискомъ движенія сзади принуждены были перескакивать черезъ неожиданное препятствіе.

„Ребенокъ попалъ подъ лошадей!“ мелькнула мысль у Агды и, не помня себя отъ ужаса, она поспѣшно открыла выходную дверь и бросилась на улицу въ ряды конницы.

— Стойте! ребенка задавите! — крикнула она по польски, поднявъ руки.

— Посторонись!

— Уйди панночка, если не хочешь быть сама раздавлена! — кричали ей гусары.

Но Агда уже успѣла схватить изъ подъ поднявшейся на дыбы лошади неизвѣстное, маленькое существо и спѣшила съ нимъ выбраться на безопасное мѣсто.

При видѣ ея ноши, люди разступались и скоро она очутилась въ глухомъ переулкѣ, гдѣ и опустила ее на каменную скамейку у воротъ.

Но, поставивъ воображаемаго ребенка на ножки, Агда отскачила отъ него съ крикомъ ужаса.

Передъ нею стоялъ, съ аршинъ величиной, взрослый мужчина.

На немъ былъ роскошный голубой костюмъ польскаго двора, съ широкими, подбитыми желтымъ атласомъ, рукавами и изящный золотой поясъ, изъ за котораго торчалъ въ дорогой оправѣ кнутикъ.

— Чего ты испугалась, панна? Или ты уже сожалѣешь о своемъ добромъ дѣлѣ? — пискнулъ маленькій человѣчекъ, пріосанясь и поглаживая свои длинные усы крошечной ручкой, на которой сверкалъ на перстиѣ алмазь. — Позволь тебѣ представиться: я карликъ короля Стефана Баторія, меня зовутъ паномъ Паулусомъ. Эти слѣпые черти, — указаль онъ въ сторону улицы, — чуть было меня не задавили. Ты спасла жизнь лучшей игрушкѣ короля Стефана, считая послѣ его мерзкой собаченки . . . Да, впрочемъ, ты, какъ рижанка, по польски не понимаешь, а я по нѣмецки не говорю.

— Я тебя понимаю, панъ Паулусъ и говорю по польски, — отвѣчала Агда, оправившись отъ испуга и удивленія.

— Ты говоришь по польски, панна? да ужъ не полька ли ты? — обрадовался карликъ.

— Нѣтъ, панъ, я рижанка, но моя нянька литовка и я отъ нея научилась этому языку.

— Не бойся же меня, прекрасная панна, и подойди, чтобы я могъ поблагодарить тебя за оказанную мнѣ помощь, которую я никогда не забуду. Съ самаго дѣтства не чувствовалъ я себя столь обласканнымъ, какъ въ твоихъ объятіяхъ, пока ты меня бережно переносила сюда.

— Развѣ я могу бояться тебя, такой крошки? — улыбнулась Агда, тронутая его жалобной рѣчью. И она съела возлѣ него на скамейкѣ, продолжая съ удивленіемъ его разсматривать.

— А между тѣмъ этой „крошки“ боится весь польскій дворъ, панна! — съ достоинствомъ выпрямился карликъ, отставивъ впередъ ножку и покручивая усь.

— Неужели твой маленькій язычекъ такъ опасенъ?

— Опаснѣе чѣмъ у змѣи, панна.

— Ты меня пугаешь, маленькій панъ Паулусъ! Но я надѣюсь, что панъ пользуется своимъ вліяніемъ на короля больше для добрыхъ дѣлъ, чѣмъ для дурныхъ?

— Ты судишь меня по своему доброму сердечку, панна! . . . Но открой мнѣ твое имя и имя твоего отца, чтобы я могъ всегда тебя найти. Я вижу, что тамъ уже хватились моего исчезновенія и съ рабскимъ страхомъ разыскивають меня по всѣмъ щелямъ города, — указаль онъ въ сторону улицы, откуда скакалъ всадникъ.

— Едва Агда успѣла назвать себя, какъ къ нимъ под- скакалъ гонецъ.

— Какими судьбами ты здѣсь, панъ Паулузь? — радостно воскликнулъ гонецъ. — Панъ Кибицкій, предполагая, что тебя похитили изъ колымаги, разослалъ гонцовъ по всѣмъ направлениямъ.

— Я такъ и зналъ! — бросилъ ему карликъ черезъ плечо. Потерялъ игрушку короля и трепещетъ какъ рабъ. Скажи ему, что никто не посмѣлъ бы похитить пана Паулуса; что онъ самъ ушелъ изъ колымаги поискать лучшаго общества, и былъ бы раздавленъ каваллеріей, которая на- скакала на него, если бы не самоотверженность вельможной панны, которая его спасла.

— Я обязанъ сейчасъ же доставить тебя пану Кибицкому, панъ Паулузь, — объявилъ гонецъ.

— Привези сначала мою шляпу, которая осталась на улицѣ и безъ которой я никуда не поѣду! — кинулъ ему карликъ своимъ надменнымъ тоненькимъ голоскомъ.

— Отъ вашей шляпы едва ли что нибудь осталось: вся конница проѣхалась по ней! — покривилъ губами гонецъ, вскинувъ глазами на хорошенькую панну.

— Маршъ за шляпой! — топнулъ ножкой взбѣшенный карликъ и выхваченный имъ изъ за пояска кнутикъ свиснулъ въ воздухъ и обвился вокругъ ноги непокорнаго.

Вскачивъ на лошадь и скрывая обиду подъ небрежно веселымъ видомъ, гонецъ поскакалъ обратно.

— Панъ Паулузь жестоко третируетъ слугъ своего короля, — замѣтила удивленная Агда.

— А панна Агда думаетъ, что они не третируютъ пана Паулуса? Если бы не язычекъ его, повѣрь, что его давно сравняли бы съ собаченкой короля!

— Бѣдняжка панъ Паулузь! — пожалѣла его Агда.

— Я понимаю, какъ тебѣ должно быть обидно быть такой крошкой!

И взявъ его ручку, она стала ее гладить въ своихъ.

— Но расскажи мнѣ, какимъ образомъ ты могъ затеряться и попасть подъ лошадей, будучи постоянно подъ при- смотромъ придворныхъ?

— Очень просто. Мнѣ наскучило сидѣть цѣлыми часами въ колымагѣ, вмѣстѣ съ противной собаченкой, грызающеюся

на меня при малѣйшемъ моемъ движеніи, за что, впрочемъ, я охотно щелкаю ее кнутомъ, — а также въ компаніи дразнящаго меня на ряду съ собаченкой паномъ Кибицкимъ, которому мы оба поручены королемъ. Воспользовавшись минутой, когда панъ задремалъ, я отворилъ дверцу кареты и выскочилъ на улицу, чтобы пробраться до первой лошади, на которой велѣлъ бы себя отвезти къ королю. Мой планъ прекрасно удался-бы, если бы не эти слѣпые олухи гусары, которые сразу сшибли меня съ ногъ.

— Но кому я теперь передамъ тебя, мой маленькій панъ Паулусъ? — спросила Агда. — Мнѣ давно пора домой; отецъ будетъ беспокоиться, когда узнаетъ о моемъ отсутствіи.

— А мнѣ вовсе не хотѣлось бы такъ скоро разстаться съ панной Агдой, какъ ей со мною! — воскликнулъ карликъ.

— Впрочемъ не беспокойся; сейчасъ другой гонецъ появится за мной и избавитъ тебя отъ заботы обо мнѣ. — Потеря игрушки короля Стефана — дѣло не шуточное, а находка ея можетъ быть и выгодной! . . .

Онъ былъ правъ. Въ узкомъ, глухомъ переулкѣ снова раздался топотъ скачущей лошади и передъ ними предсталъ стройный гусарь.

— Здравствуй, панъ „Муха!“ Сейчасъ гонецъ доложилъ пану Кибицкому, что ты здѣсь. Онъ велитъ немедленно доставить тебя къ нему. Вотъ твоя шляпа, предъявленная пану, какъ знакъ твоей пропажи! — сказалъ онъ ловко соскочивъ съ лошади и, съ изящнымъ поклономъ дѣвушка, онъ подаль карлику его маленькую голубую съ плюмажемъ шляпу. — Надѣнь ее и садись на моего коня; авось онъ выдержитъ тебя!

— Если онъ тебя, нахала, выдерживаетъ, выдержитъ и меня! — огрызнулся карликъ.

— До свиданія, панна Агда! — поклонился онъ дѣвушка чисто придворнымъ поклономъ, держа шляпу на отлетѣ и, подхваченный рукой гусара сразу очутился на сѣдлѣ.

— Панъ Паулусъ никогда не забудетъ того, что ты сдѣлала для него, панна. Не забывай-же и ты его и помни, что онъ всегда готовъ быть тебѣ полезнымъ, — продолжалъ карликъ уже съ лошади все еще держа шляпу въ рукѣ.

— Я полагаю, что панночка предпочтетъ кавалера побольше ростомъ; — лукаво замѣтилъ гусарь, бросивъ нѣжный взглядъ на стройную дѣвушку.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ кнутикъ пана Паулуса щелкнулъ его по уху. Гусарь побогровѣлъ и казалось, готовъ былъ задушить карлика какъ крысу въ рукахъ, но, опомнившись, вскочилъ за нимъ въ сѣдло и пустилъ лошадь въ карьеръ.

Агда побѣжала домой.

На улицѣ народу было уже меньше и она скоро добралась до своихъ дверей.

Вбѣжавъ въ настежь открытыя двери аптеки, Агда вскрикнула и поблѣднѣла.

Среди полного безпорядка и сваленныхъ по угламъ вещей, были разставлены походныя постели, на которыхъ лежали и курили трубки какіе то незнакомцы . . .

Не помня себя отъ ужаса, она бросилась на улицу и, обогнувъ домъ, подбѣжала къ воротамъ; но тутъ стоялъ часовой. . .

Тогда она свернула въ сосѣднюю улицу, въ надеждѣ встрѣтить кого нибудь, кто могъ бы ей сообщить, гдѣ ея отецъ и Бертольдъ.

И вдругъ она увидала сидѣвшую на камнѣ у забора и рыдавшую, закрывъ руками и положивъ въ колѣни лицо, Мальвину . . .

Обрадованная при видѣ своей питомицы цѣлой и невредимой, старуха бросилась ее обнимать, и сквозь рыданія рассказала ей о разразившемся въ ихъ домѣ несчастіи.

Вотъ что узнала Агда изъ ея сбивчивой рѣчи:

Въ оставленную ею, Агдой, открытую дверь аптеки вошли польскіе офицеры и, осмотрѣвшись въ комнатахъ, велѣли солдатамъ приготовить для нихъ помѣщеніе.

Услышавъ внизу шумъ и сбѣжавъ съ лѣстницы, Бертольдъ сталъ требовать, чтобы незнакомцы немедленно покинули жилье его пріемнаго отца, который пользовался правами ученаго, а когда они на отрѣзъ отказались, объявивъ, что „отнынѣ въ Ригѣ поляки повсюду дома“, онъ со словами: „негодяи, какъ смѣли вы переступить порогъ этого дома!“ бросился на нихъ съ поднятымъ мечемъ, но былъ скоро схваченъ и обезоруженъ.

Появившійся внизу вслѣдъ за Бертольдомъ старикъ Дорнъ былъ тоже арестованъ и оба были отправлены подъ конвоемъ въ крѣпость.

— Когда я узнала отъ польскаго солдатика, который оказался моимъ землякомъ, о всемъ что случилось у насъ въ домѣ, — говорила Мальвина, — а также о томъ, какъ панъ Дорнъ и панъ Бертольдъ тревожились за васъ, не зная, куда вы исчезли, я едва устояла на ногахъ, отъ охватившаго меня ужаса. Опомнившись, я хотѣла бѣжать васъ искать, но эти злодѣи не пустили меня, требуя, чтобы я имъ служила; когда же я стала ихъ упрекать за то, что они хозяйничаютъ въ чужемъ домѣ, какъ въ своемъ, они насмѣялись надо мной, а одинъ солдатъ хотѣлъ меня заставить варить для нихъ пищу. Но я такъхватила его по спинѣ коромыслѣмъ, что у него разомъ прошла вся охота. Не успѣлъ онъ очухаться, какъ я выбѣжала за двери. Иду, васъ разыскивая, и вдругъ одна женщина мнѣ говорить: „барышню твою на улицѣ подѣ лошадьми видали; едва-ли она выбралась живою! „не мало народу задавили эти собаки!“ Напугала она меня, ажъ ноги подкосились. Я сѣла и давай плакать. „Ужъ не отъ поляковъ ли бѣдняжка спасалась?“ думаю. Плачу и клянуся, зачѣмъ изъ дома вышла, соблазнившись поглядѣть на короля. Но видно Пресвятая Дѣва меня услышала! . . .

Вся блѣдная, не трогаясь съ мѣста слушала Агда болтавню старой экономки.

— Бѣдный отецъ! несчастный Бертольдъ! — проговорила она вдругъ, схватившись за голову.

— И я — я во всемъ виновата! Зачѣмъ я оставила дверь открытой! . . . Идемъ, идемъ скорѣй Мальвина! . . . Проводи меня! — схватила она ее за руку. — Я брошусь передъ королемъ и сама изложу ему свою жалобу на его воиновъ, которые не имѣли права врываться въ жилье моего отца и лишать его свободы . . . Я вымолю у него помилованіе и Бертольду! . . .

— Пресвятая Марія! . . . Она теряетъ рассудокъ! — воскликнула Мальвина, всплеснувъ руками.

— Неужели вы думаете, панна Агда, что я васъ отпущу къ этимъ разбойникамъ? — вскричала она въ испугѣ.

— Лучше проводи меня Мальвина, или я уйду одна. . .

И, не смотря на мольбу и причитыванія старой женщины, Агда побѣжала отъ нея.

Перепуганная Мальвина бросилась за нею . . . . .

Передъ широкимъ крыльцомъ замка стояла густая толпа, дожидавшаяся прибытія короля.

Благодаря энергичнымъ движеніямъ плечей и локтей Мальвины, прокладываявшей въ толпѣ дорогу своей питомицѣ, онѣ скоро очутились передъ самымъ подъѣздомъ замка.

Рядомъ съ ними оказалась знакомая женщина, отъ которой онѣ узнали, что короля ждуть на площади съ минуты на минуту. Когда же женщина узнала о причинѣ, которая привела ея сосѣдокъ къ замку, она вся прониклась состраданіемъ къ молодой дѣвушкѣ и, обнадеживая ее на успѣхъ въ ея дѣлѣ, рассказала, какъ король, объѣзжая городъ, по всему своему пути милостиво выслушиваетъ всѣ прошенія и жалобы горожанъ, которыя тутъ же разрѣшаетъ съ великодушіемъ и справедливостью, достойными монарха; письменныя же прошенія кладетъ въ шляпу, а когда ихъ набирается много — за пазуху . . .

Поощряемая любопытствомъ Мальвины и другихъ слушателей, женщина сообщила, что познакомилась случайно съ однимъ служителемъ при королевскомъ обозѣ, хорошо говорящимъ по нѣмецки, который много рассказалъ ей про польскаго короля.

— Ну, и чудеса же я узнала отъ него, дѣти мои! — начала она свое повѣствованіе.

И она рассказала, что король во всѣхъ своихъ походахъ возитъ съ собой презлющаго и капризнаго карлика и, „какъ говорятъ — „чародѣя“, — шепотомъ добавила она, — „который при малѣйшемъ неудовольствіи стегаетъ кнутикомъ придворныхъ“. И никто не осмѣливается ему прикословить, такъ какъ король очень его любитъ, какъ забаву свою и исполняетъ всѣ его прихоти. Никогда не разстается король и съ своей крошечной собаченкой, которую возятъ за нимъ вмѣстѣ съ карликомъ.

— Рассказывалъ онъ мнѣ тоже какъ объѣдаетъ король, — продолжала она среди общихъ восклицаній, довольная эффектомъ своихъ новостей. И она сообщила, что за обѣдомъ король сидитъ одинъ за длиннымъ столомъ,

уставленнымъ самыми различными явствами. Ему подносятъ лишь тѣ блюда, на которыя онъ указываетъ. А передъ тѣмъ, какъ подать блюдо королю, стольникъ отвѣдываетъ его самъ, чтобы его величество могло быть увѣрено, что въ кушаньи нѣтъ отравы. Послѣ обѣда, опираясь на плечи сопровождающихъ его сановниковъ, король возвращается въ свои покои. — Ну не хитро-ли это придумано съ отвѣдываніемъ блюда, дѣти мои? . . . Но это все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что я вамъ еще расскажу!

Во время обѣда, рядомъ съ королевскимъ столомъ накрывается маленькій столикъ для карлика, которому подаютъ обѣдъ особенно на игрушечныхъ блюдахъ. Когда-же карлику какое нибудь блюдо не понравится, онъ опракидываетъ его на полъ или швыряетъ имъ въ того, который ему подаетъ.

— Ну, и нахаль же этотъ дрянной карликъ! даромъ что съ палецъ ростомъ, — отозвался кто-то среди слушателей.

— Я бы ему уши надралъ! замѣтилъ одинъ толстый рижанинъ въ чулкахъ и башмакахъ.

— Извѣстно слѣдовало бы! А король только потѣшается, согласилась рассказчица. А какъ вамъ понравится вотъ еще что? — все болѣе оживлялась женщина. — Случается, что за параднымъ обѣдомъ король пускаетъ на столъ свою собаченку, которая, бѣгая между приборами гостей, лакаетъ то изъ одной, то изъ другой тарелки; и никто не рѣшается ее отогнать, опасаясь неудовольствія короля.

— Ну, ужъ это настоящее свинство! — воскликнулъ рижанинъ. — Я бы навѣрно не выдержалъ и шею свернулъ бы этой подлой твари! . . .

Но вотъ на Замковой улицѣ послышался лошадиный топотъ.

— Король! . . . король ѣдетъ! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

Толпа заколыхалась и рванулась впередъ . . .

На снѣжно-бѣлыхъ коняхъ, съ сверкающими въ солнцѣ металлическими крыльями, пронесся отрядъ гусаровъ; а вслѣдъ за ними, при восторженныхъ крикахъ въ толпѣ „ура!“ появился и король Стефанъ, со своей блестящей свитой.

Онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ мужественною наружностью и сидѣлъ на конѣ какъ изваянный.

На немъ былъ изящный черный кафтанъ, подбитый соболемъ, а на его польскомъ головномъ уборѣ искрились роскошные алмазы.

Слегка горячившійся подъ нимъ и раздувавшій ноздри вороной конь, казалось едва касался земли своими тонкими граціозно изгибавшимися ногами. Онъ былъ покрытъ бархатнымъ чепракомъ, расшитымъ золотомъ и драгоценными камнями.

Передъ однимъ изъ свитскихъ на сѣдлѣ сидѣлъ карликъ короля.

Бросившіеся съ крыльца придворные помогли королю сойти съ лошади.

Но едва король ступилъ на землю, какъ къ его ногамъ упала, простиравшая къ нему руки, молодая дѣвушка.

— Государь! отдай мнѣ моего отца и его приемнаго сына, съ которыми я росла, какъ съ братомъ. Не допусти насилія, которое учинили надъ старымъ ученымъ твои люди, арестовавъ его только за то, что его ученикъ отстаивалъ его права!

— Что это значитъ? — сдвинулись густыя брови на лицѣ короля и онъ вопросительно оглянулся на своихъ приближенныхъ.

— Ты можешь вѣрить словамъ этой дѣвушки, король Стефанъ! — послышался тоненькій голосокъ у его ногъ. — Это та самая дѣвушка, которая сегодня спасла жизнь твоему Паулусу и о которой я тебѣ рассказывалъ, когда мы ѣхали сюда.

— И тебѣ, грозному рыцарю, не стыдно быть обязаннымъ своимъ спасеніемъ бѣлымъ ручкамъ этой молодой дѣвушки? — пошутилъ король, глядя себѣ въ ноги на карлика.

— Напротивъ, великій государь! Я горжусь преимуществомъ, которымъ даже ты, при всемъ своемъ могуществѣ не могъ бы воспользоваться!

— Не дурно сказано отъ мышиного мозгишка! — усмѣхнулся король.

— Встань, дитя мое, — обратился онъ къ дѣвушкѣ. — Меньшее что я могу для тебя сдѣлать за твой самоотверженный поступокъ — это немедленно рассмотреть твое дѣло. Встань и расскажи мнѣ подробно о случившемся въ домѣ твоего отца.

— Благодарю тебя, государы! . . .

Агда поднялась и, откинувъ за спину свою золотистую косу, вся блѣдная, съ лихорадочно горѣвшими, темно-синими глазами, стала рассказывать королю о своемъ горѣ.

Ея простая правдивая рѣчь и задушевный голосъ; ея бѣлокурая, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, головка и стройный, дѣвственный станъ, плотно охваченный длиннымъ бѣлымъ суконнымъ платьемъ, подобраннымъ съ боку голубымъ, вышитымъ бисеремъ кармашкомъ, все въ ней невольно привлекало всеобщую симпатію и сочувствіе.

По мѣрѣ того, какъ она рассказывала, брови короля опять сдвигались.

— Разслѣдовать немедленно, кто осмѣлился нарушить мой приказъ и доложить мнѣ все дѣло! — грозно вскричалъ онъ, обернувшись къ стоявшему вблизи отъ него полковнику.

— Воля вашего величества будетъ въ точности исполнена, проговорилъ полковникъ съ глубокимъ поклономъ, и онъ удалился быстрыми шагами.

— Ступай домой и успокойся, дитя мое! — обратился опять король къ Агдѣ. — Если отецъ твой и его приѣмный сынъ невиновны, они сегодня же будутъ освобождены.

И король, въ сопровожденіи своей свиты сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Агда видала, какъ на ходу онъ приподнялъ одной рукой карлика за воротъ и посадилъ его на плечо одного изъ своей свиты откуда карликъ послалъ молодой дѣвушкѣ поклонъ, высоко поднявъ надъ головой шляпу . . .

Когда Агда съ Мальвиной вернулись домой, онѣ нашли свое жилище освобожденнымъ отъ польскихъ воиновъ и всѣ предметы на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Приводя комнаты въ порядокъ и затапливая каминъ въ кабинетѣ своего барина, Мальвина не переставала негодовать на „безстыжихъ собакъ-поляковъ“, которые „послѣ того что они натворили въ домѣ пана аптекаря, даже отшибли у нея охоту говорить по польски“ . . .

А Агда, поджидая возвращенія отца и Бертольда, перебѣгала отъ окна къ дверямъ, или выбѣгала за ворота, прислушиваясь къ малѣйшему шуму.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда на дворѣ щелкнула калитка.

Легче птицы выпорхнула Агда на дворъ.

— Отецъ! — вскрикнула она, бросившись ему на шею. Но вдругъ затихла и поблѣднѣла.

— Развѣ Бертольдъ не вернулся съ тобой, отецъ?

— Нѣтъ, дитя! Король отказался его помиловать за то, что онъ поднялъ оружіе на его офицеровъ. Но не отчаивайся, дитя мое. Понадѣмся на милость Божью и великодушіе короля, которое я испыталъ еще сегодня.

И онъ рассказалъ какъ милостиво поступилъ съ нимъ король.

— Когда послѣ мучительныхъ и тревожныхъ часовъ, проведенныхъ въ душевной казематѣ, я предсталъ передъ королемъ и его блестящей свитой, — рассказывалъ старикъ, усаженный Агдой въ креслѣ передъ пылающимъ пламенемъ въ каминѣ, — я почувствовалъ такое головокруженіе, что не могъ произнести ни слова изъ приготовленной мною въ защиту меня и моего бѣднаго Бертольда латынской рѣчи. Замѣтивъ мое смущеніе, король шепнулъ что то одному изъ своихъ приближенныхъ, который вдругъ объявилъ мнѣ, что королю сейчасъ не угодно меня выслушать и что его величество откладываетъ аудіэнцію на вечеръ. А вечеромъ, уже оправившись отъ дурноты, я могъ безъ запинки изложить королю свое дѣло.

— Бѣдный отецъ! — могла только произнести Агда и, затаивъ сердечную боль, она опустилась на коверъ и положила голову на колѣни отца.

Вбѣжавшая въ комнату Мальвина со слезами радости бросилась цѣловать руки своего стараго барина, но, узнавъ, что Бертольдъ не освобожденъ, она вдругъ всхлипнула и заголосила. Агда съ трудомъ увела ее въ кухню.

— Не плачь, Мальвина, — успокаивала она ее, — я знаю существо которое намъ поможетъ. Проводи меня только еще разъ къ замку, когда отецъ будетъ спать и ничего ему не говори, чтобы его не обезпокоить.

На этотъ разъ Мальвина уже не сопротивлялась намѣренію своей питомицы, убѣдившись въ ея успѣхѣ, и когда послѣ ужина, разбитый отъ душевнаго потрясенія и усталости, старикъ Дорнъ рѣшилъ лечь въ постель, Агда накинула на себя черную накидку и кружевной шарфъ на голову, а Мальвина покрылась большимъ платкомъ и обѣ женщины неслышно вышли изъ дома.

На узкихъ, неправильно извиающихся улицахъ было темно и только изрѣдко попадались прикрѣпленные на углахъ домовъ фонари, въ которыхъ тускло горѣло масло, за то большинство улицъ было обязано своимъ слабымъ освѣщеніемъ только случайному свѣту въ окнахъ; а много ли было такого свѣта, можно судить уже потому, что въ рижскихъ домахъ, подъ острыми черепичными крышами, окна, давашія на улицу были рѣдки и такъ же случайны на глухихъ, каменныхъ стѣнахъ, какъ и ихъ освѣщеніе въ ночную пору.

По улицамъ на каждомъ шагу встрѣчались биваки или патрули, шаги которыхъ гулко раздавались по мостовой, какъ подъ сводами широкаго коридора.

За то достаточно свѣту и шума выливалось на улицу черезъ широкія, настежь открытыя двери виннаго погреба Шульца.

Тутъ, въ просторномъ, съ низкимъ бревенчатымъ потолкомъ, помѣщеніи, вдоль стѣнъ и вокругъ колоннъ котораго стояли дубовыя, украшенныя рѣзбой бочки, съ причудливыми мѣдными кранами, за длинными, уставленными кружками и бокалами, столами лилась шумная и веселая польская рѣчь и сверкали роскошные польскіе наряды.

Толстый Шульцъ въ бѣломъ фартукѣ поверхъ короткихъ бурыхъ панталонъ, въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ, весь обливаясь потомъ и прихрамывая отъ усталости, едва поспѣвалъ услуживать прихотливымъ и требовательнымъ гостямъ.

Незамѣтно скользя въ вдоль темныхъ стѣнъ, Агда, въ сопровожденіи съ трудомъ поспѣвавшей за нею ея немолодой спутницы, почти уже бѣгомъ добралась до замка.

На площади, какъ и на улицахъ былъ темно. Только у воротъ и у подъѣзда замка свѣтились фонари, въ слабомъ освѣщеніи которыхъ поблескивало оружіе прогуливавшихся часовыхъ.

Узнавъ на скамейкѣ у воротъ стараго бургомистерскаго вахтмистра, служившаго при замкѣ, Агда бросилась къ нему.

— Какое счастье, что я тебя встрѣтила здѣсь, Іоханъ! — радостно воскликнула она.

— Ты можешь мнѣ помочь въ очень серіозномъ дѣлѣ.
— Помочь вамъ, фрейленъ Агда, да еще въ серіозномъ дѣлѣ, я всегда готовъ! — поднялся съ скамейки старикъ. —

Я и семейство мое слишкомъ обязаны г-ну фармацевту и вамъ за ваши доброту и заботу о насъ, когда всѣ мы болѣли тифозной лихорадкой, чтобы отказаться отъ случая быть вамъ полезнымъ. Но что, скажите, привело васъ сюда въ такой поздній часъ? и какъ вы рѣшились выйти на улицу въ такую ночь, когда эти варвары поляки пьянствуютъ по кабакамъ, празднуя свою побѣду?

— У насъ въ домѣ большое несчастье, Іоханъ. Ворвавшіеся въ наше жилище поляки арестовали отца и Бертольда. Вернувъ свободу отцу, король отказался помиловать Бертольда за то что онъ поднялъ на его воиновъ оружіе.

— Господи Іисусе! — съ непритворнымъ участіемъ взмолился старикъ, всплеснувъ руками.

— Но чѣмъ могу я вамъ служить въ такомъ дѣлѣ?

— А вотъ чѣмъ, мой милый Іоханъ! Устрой такъ, чтобы карликъ короля меня принялъ. Онъ знаетъ меня; тебѣ стоитъ только меня назвать. . .

— И вы не боитесь этого злого чародѣя, фрейленъ Агда! — со страхомъ посмотрѣлъ на нее Іоханъ.

— Онъ совѣмъ не такой, какъ говорятъ о немъ, и я увѣрена, что онъ исполнитъ мою просьбу и умолитъ короля помиловать Бертольда.

— Если такъ, будьте увѣрены, что я постараюсь устроить дѣло, хотя и не легко будетъ пожалуй проникнуть въ покои, отведенные приближеннымъ короля. Подождите меня здѣсь, я сейчасъ узнаю у людей. . .

— Вотъ возьми это Іоханъ! — сунула ему Агда въ руку свой браслетъ. — Можетъ быть понадобится тамъ кому нибудь дать, чтобъ пропустили. . .

— Жаль мнѣ вашего браслета, фрейленъ, — покачалъ старикъ головой, — но это вѣрно что онъ можетъ пригодиться!

И онъ скрылся за калиткой.

Подошедшая къ своей барышнѣ Мальвина ни о чемъ не рѣшилась ее спрашивать, въ виду прохаживавшагося у воротъ часоваго, и онѣ обѣ молча сѣли на скамьѣ.

Городскіе часы на соборной колокольнѣ медленно пробили десять ударовъ.

Спустя нѣсколько минутъ, калитка опять отворилась и изъ нея появился польскій офицеръ въ сопровожденіи Іохана.

— У меня есть распоряженіе провести васъ въ придворные покои, сударыня, — съ изящнымъ поклономъ обратился онъ къ Агдѣ.

— Я бы желала видѣть карлика, пана Паулуса, — сказала Агда, вставая.

— Я попрошу панну слѣдовать за мною; панъ Паулусъ ожидаетъ панну въ пріемной.

Поднявшись по лѣстницѣ и миновавъ цѣлый рядъ большихъ и меньшихъ комнатъ, офицеръ отворилъ дверь и, пропустивъ въ нее свою спутницу, скрылся.

Агда очутилась въ просторной комнатѣ, освѣщенной нѣсколькими свѣчами въ стѣнныхъ канделябрахъ.

— Здравствуй панна Агда! — послышался дѣтскій голосокъ возлѣ нея.

Разыскивая глазами карлика, Агда не замѣтила, что онъ стоялъ возлѣ нея.

— Я очень радъ тебя видѣть у себя, милая панна! — привѣтствовалъ онъ гостью церемоннымъ поклономъ. — Но что съ тобой? У тебя такой измученный видъ.

— Прости меня, маленькій панъ Паулусъ за безпокойство, которое я причиняю тебѣ въ такой поздній часъ, — взяла она его руки, — но дѣло по которому я пришла просить твоей помощи, не терпитъ ни минуты просрочки; завтра моя просьба къ тебѣ можетъ оказаться уже бесполезною.

— Что случилось опять съ тобой, панна? Садись и расскажи мнѣ. Развѣ твой отецъ еще не освобожденъ?

— Отецъ вернулся но . . . одинъ! — проговорила она, сдерживая слезы. И сбросивъ съ головы кружево, она опустилась на ближайшій стулъ.

— А! вотъ въ чемъ дѣло! Ты значитъ горюешь о панѣ Бертольдѣ? Развѣ онъ для тебѣ столь же дорогъ, какъ твой отецъ?

— Мы росли вмѣстѣ, какъ братъ и сестра; я его невѣста, — сказала она. Теперь ты поймешь, панъ Паулусъ за кого я хлопочу.

— Понимаю. Я еще сегодня догадался объ этомъ, глядя на тебя, когда ты рассказывала королю о случившемся въ нашемъ домѣ!

— И ты исполнишь мою просьбу, не правда-ли? Ты склонишь короля помиловать Бертольда? . . . О! милый панъ

Паулуся, — опустилась она передъ нимъ, — умоляю тебя, спаси его, спаси наше счастье!

Она схватила обѣ ручки карлика, а ея молящія глаза впились въ его маленькое, съ умными, пронизательными глазками лицо.

— А если я не хочу, чтобы король его помиловалъ? — произнесъ карликъ холодно и съ разстановкой, своевольно закинувъ голову назадъ и пристально глядя ей въ глаза.

— Не хочешь?! — какъ ужаленная вскочила Агда и попятилась отъ него.

— Да. Если я не хочу, чтобы этотъ человѣкъ былъ счастливѣе меня, — пояснилъ онъ, принявъ комически величественный видъ.

Агда смотрѣла на него, оцѣненнѣвъ отъ ужаса.

— Значить я ошибалась, когда не вѣрила людямъ, называвшимъ тебя „злымъ чародѣемъ“? — тихо проговорила она наконецъ.

— Панна судила меня по своему доброму сердечку; а мое такое маленькое, что въ немъ мало мѣста для добраго чувства.

За то для злого—его достаточно! — сказала она съ негодованіемъ, — и я сожалею, что спасла отъ гибели вредное для людей существо.

— Напрасно, панна! Каждый другой счелъ бы за честь спасти жизнь „карлика короля Стефана Баторія“, — произнесъ онъ съ горькой усмѣшкой. — Повѣрь, что если бы у пана Паулуса не хватало въ сердцѣ мѣста для зла, люди давно бы его растоптали какъ мышъ, а король Стефанъ велѣлъ бы сдѣлать изъ него чучелко или положить въ банку со спиртомъ.

— Развѣ твой король цѣнитъ въ тебѣ одно зло?

— О, нѣтъ; онъ цѣнитъ и правду, если она въ острой формѣ.

— Но если этой правдой ты пользуешься только для зла — это тоже зло.

— Мое находчивое слово не разъ спасло жизнь человѣку!

— Отчего же тогда ты не хочешь еѣ спасти Бертольду, хотя бы за то, что я спасла твою?

— Именно потому, что ты спасла мнѣ жизнь изъ чистой жалости, я не хочу съ тобой разстаться. . .

— Другими словами ты змѣя, которую я согрѣла на груди?

— Пусть будетъ такъ. Если панъ Паулузь не подумаетъ о себѣ — никто не позаботится о немъ. Какъ яркій лучъ солнца, встрѣтилъ я тебя на краю своей гибели, и тотъ который можетъ отнять его у меня — мой злѣйшій врагъ!

— Проси у меня все что хочешь! — подошелъ онъ къ ней и взялъ ея руку, — я на все готовъ для тебя — улыбнувшемуся солнышку въ моей жизни — но я не хочу уѣзжать отсюда безъ тебя! Хочу, чтобы ты ѣхала въ Польшу и жила при дворѣ, гдѣ бы я могъ всегда тебя видѣть, на что . . . король уже согласился.

— Бросить отца, бросить Бертольда въ темницѣ и ѣхать въ Полшу . . . для тебя?!

И вырвавъ у него свою руку, она залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Это предложеніе не покажется тебѣ столь смѣшнымъ, когда я прибавлю, что твое согласіе вернуло бы свободу пану Бертольду! — вскричалъ карликъ уже гнѣвно.

— А! такъ вотъ какой цѣною ты готовъ исполнить мою просьбу! На этотъ разъ моя очередь сказать тебѣ, что ты судишь другихъ по себѣ. Узнай, что Бертольдъ никогда не купилъ бы своей свободы цѣной нашей разлуки и моей неволи! Прощай панъ Паулузь. Очень жалѣю, что я такъ ошиблась въ тебѣ! Но помни, что если у тебя есть власть даже надъ твоимъ королемъ, — противъ меня ея не хватитъ. Только мертвой можешь ты меня увести на твою родину, которая принесла такъ много горя нашему дорогому отечеству!

— Не забывай безумная, что ты играешь жизнью твоего жениха! — взвизгнувъ взбѣшенный карликъ, топнувъ ногой.

— Она не нужна ему въ темницѣ, какъ и мнѣ она не нужна въ разлукѣ съ нимъ! — кинула ему Агда покойно и, накинувъ кружево на голову, пошла къ дверямъ.

— Панна Агда! — бросился вдругъ за нею карликъ, вежливая какъ ребенокъ и цѣпляясь за ея платье.

— Сжался надъ несчастнымъ, природой и людьми, обиженнымъ, одинокимъ существомъ! . . . Не уходи!

Она съ гадливостью освободила отъ него свое платье, какъ стряхнула бы прицѣпившуюся къ нему жабу и бросилась за дверь. . . .

Вернувшись съ Мальвиной домой и замѣтивъ въ комнатѣ отца огонь, Агда тихо вошла къ нему.

Тускло догоравшая свѣча едва освѣщала комнату и сидѣвшаго у стола въ креслѣ старика, съ поникшею на грудь сѣдою головой.

— Я думалъ, что ты уже давно спишь, дитя мое, — удивился онъ, поднявъ на дочь глаза. Почему же ты не ложишься?

— Потому-же, отецъ, почему и ты! — дрогнувшимъ голосомъ проговорила Агда и, опустившись передъ нимъ на полъ, она спрятала лицо въ его колѣняхъ.

Плечи ея вздрагивали; она рыдала. . .

* * *

Завладѣвъ Ригою и поставивъ ее въ зависимость отъ Польши, Стефанъ Баторій возвратилъ городу самоуправленіе Магистратомъ.

Манифестъ короля сопровождался цѣлымъ рядомъ празднествъ. На разукрашенныхъ флагами улицахъ и площадяхъ былолюдно и шумно. Всѣ трактиры и погреба были переполнены народомъ. Въ замкѣ состоялся торжественный обѣдъ, на который приглашены были королемъ весь Магистратъ и другіе представители города и дворянства, въ то время какъ на площади было устроена народное гулянье.

Спустя нѣсколько дней послѣ манифеста, по городу разнесся слухъ, что поляки покидаютъ городъ; и скоро въ дѣйствительности къ городскимъ воротамъ потянулись войска и обозы.

Во всѣхъ слояхъ общества чувствовалось приподнятое настроеніе.

Рига очнулась и оживала.

По всѣмъ частямъ города снова закипала жизнь, которая входила въ свою колею.

Съ тоской въ душѣ вступали въ свои прежнія обязанности утратившіе свою независимость потомки свободныхъ рыцарей. . .

Уже стемнѣло. По городу разносился церковный звонъ.

Вернувшись изъ церкви Агда, которую трудно было узнать, такъ она измѣнилась за послѣднее время, — вошла въ маленькую пріемную и, положивъ на столъ молитвенникъ, тихо присѣла у окна.

Въ горячей молитвѣ она почерпнула новыя надежды и утѣшеніе и на душѣ у нея было спокойнѣе. За то она тревожилась теперь за отца, который по цѣлымъ днямъ работалъ въ своей лабораторіи, навѣщалъ больныхъ, а по ночамъ томился безсонницей.

Старикъ видимо горевалъ о своемъ пріемномъ сынѣ и ученикѣ, котораго любилъ какъ родного. Никакія хлопоты о его освобожденіи не привели пока къ результату.

А поляки уже выступали изъ города и, по слухамъ, всѣ осужденные должны были быть разстрѣлены наканунѣ отъѣзда короля.

Грохотъ подкатившей къ воротамъ кареты вывелъ Агду изъ задумчивости.

Она выглянула изъ окна, дававшего на дворъ, но за темнотою ничего не могла различить, хотя слышала, какъ щелкнула и отворилась калитка . . .

— Панна Агда! панна Агда! . . . ради Бога не показывайтесь! — послышался за нею испуганный и сдержанный голосъ Мальвины. Тамъ въ каретѣ, у нашихъ воротъ, этотъ злой чародѣй карликъ. Съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что вы спасли ему жизнь, я увѣрена, что все ваше горе отъ него.

Одна молитва можетъ васъ избавить отъ его злыхъ чаръ. Онъ и сейчасъ что то замышляетъ . . .

Успокойся, Мальвина, я увѣрена, что онъ никакого зла мнѣ не сдѣлаетъ. Это несчастное существо болѣе озлобленное, чѣмъ злое . . .

Она вдругъ прервала свою рѣчь, а Мальвина взвизгнула и въ ужасѣ прижалась къ стѣнѣ. Передъ ними стоялъ, незамѣтно, вошедшій въ дверь карликъ.

Онъ былъ въ элегантномъ, изъ бѣлаго атласа съ золотомъ, костюмѣ; съ его плечь, поверхъ узкихъ съ пуфами рукавовъ, падали другіе, широкіе, подбитые пунцовымъ атласомъ. Шелковые бѣлые чулки и башмаки съ сверкающими алмазами на пряжкахъ довершали его роскошный туалетъ. Въ рукахъ онъ держалъ бѣлую атласную шляпу и свертокъ.

— Ты не ошибаешься, панна Агда, хотя имѣла все основаніе думать обо мнѣ иначе! — сказалъ карликъ. — Прости что я вхожу къ тебѣ безъ твоего разрѣшенія, по страхъ и опасенія этой убѣжавшей отъ меня женщины дали

мнѣ поводъ думать, что ты откажешься меня принять, а я... я не могъ уѣхать изъ Риги, не возстановивъ къ себѣ твоего добраго мнѣнія. Вотъ приказъ короля, который мнѣ не сразу удалось выхлопотать, — протянулъ онъ ей свертокъ. — Предъяви его вашему бургомистру — и пану Бертольдъ будетъ возвращена свобода! . . . Прости мое минутное безуміе и не думай больше что ты пригрѣла на своей груди змѣеныша!

О! панъ Паулуй! — бросилась къ нему не сразу опомнившаяся отъ радости Агда. И присѣвъ передъ нимъ, она схватила его обѣ ручки.

— Милый маленькій панъ Паулуй, чѣмъ могу я тебя отблагодарить за твое доброе дѣло!

— Лучшею благодарностью будетъ для меня твое счастье, панна Агда и твоя добрая память о карликѣ — „чародѣ“.

— Панъ чародѣй! — вдругъ повалилась къ его ногамъ Мальвина. — Убей меня, глупую, за то, что я вѣрила въ то, что про тебя говорятъ; что обвороживъ короля злыми чарами, ты изводишь на землѣ честныхъ людей, тогда какъ ты способенъ на такое доброе дѣло! . . .

— Не болтай глупостей, холопка! — сердито вскричалъ карликъ, топнувъ ножкой, и выхвативъ изъ за пояса свой кнутикъ, онъ щелкнулъ имъ по спинѣ старой ключницы.

— Панъ Паулуй оставь мнѣ на память твой кнутикъ! — властно протянула къ нему руку Агда. — Отдавъ его мнѣ, ты можешь быть отучишься отъ твоей варварской привычки.

Карликъ молча отдалъ ей кнутикъ.

— А ты, панна Агда, ничего не дашь на память пану Паулусу? — печально глядя на дѣвушку спросилъ онъ.

— Вотъ тебѣ память обо мнѣ и моемъ добромъ дѣлѣ, маленькій панъ Паулуй, — сказала Агда, снявъ съ своею пальца колечко съ крестикомъ и надѣвъ его на пальчикъ карлика.

— Пусть это колечко напоминаетъ тебѣ, что пользуясь вліяніемъ на твоего короля, отъ котораго зависятъ милліоны людей, ты долженъ руководиться одними лишь добрыми побужденіями. Пусть въ моемъ маленькомъ тѣльцѣ будетъ большое сердце и великая душа и ты заслужишь всеобщую любовь и уваженіе.

Двѣ слезинки упали на ея руку, которую карликъ поднесъ къ своимъ губамъ.

Панъ Паулусъ охотно согласился на предложеніе дѣвушки снести его въ карету.

Захлопнувъ дверца и пославъ карлику послѣдній привѣтъ, Агда, какъ на крыльяхъ слетала за драгоцѣннымъ сверткомъ и, расцѣловавъ на бѣгу обезумѣвшую отъ радости и нисколько не обиженную на „чародѣя“ Мальвину, она бросилась въ сторону клиники, гдѣ находился ея отецъ, чтобы скорѣй обрадовать его. . . .

* * *

Ласково и торжественно звучалъ соборный колоколъ, а густые звуки органа гулко разносились подъ высокими, каменными сводами старой кирки, переполненной праздничнымъ людомъ.

Въ ложѣ рижскаго дворянства, у входа которой и по сіе время стоятъ двѣ фигуры рыцарей въ забралахъ, и въ ложѣ именитаго купечества всѣ мѣста были тоже заняты.

Гордо и строго, казалось, глядѣли съ колоннъ гербы рыцарей, а съ пола ихъ могильныя плиты, какъ бы укоряя потомство за то что оно не сумѣло отстоять самостоятельности мечемъ и кровью созданнаго ими города.

Передъ алтаремъ, украшеннымъ цвѣтами, только что окончилось вѣнчаніе и, при торжественныхъ звукахъ органа и пѣнія псалмовъ, молодые принимали многочисленныя поздравленія родныхъ и знакомыхъ, на лицахъ которыхъ отражалось ихъ счастье. . .

Это были Бертольдъ и Агда.

Когда они выходили изъ церкви, къ нимъ подошелъ стройный польскій офицеръ и, съ низкимъ поклономъ передалъ Агдѣ футляръ.

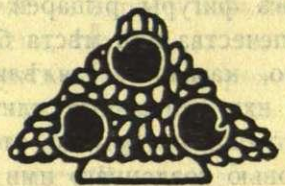
Въ футлярѣ оказалось чудное жемчужное ожерелье, надъ которымъ, на внутренней сторонѣ крышки была надпись: „слезы карлика“.

Два славянских языка на ее языке, которую уайнскр похитер
ка спондиг туралт.
Панд-Налуусе охотно соглашался на предложение Кайлишки
снести его на карете.
Заполучив деньги и пожелав Кайлишке поехать с ним, он
Алла, как и прежде, сел в карету, и она поехала к
и раскочевала на одну сторону, а другая осталась в
по обожанию на "каретах" Мильяну. Она обожала
сторону, которую так называли в то время "карета"
определять его. И так, в то время, что она
сидела в карете.

Васово и торжественно звали, подобно кокококо.
Густые звуки оркестра гудели, различаясь по высоте, как
женщины звали свою семью, предупреждая их предвидениями
полностью в то время, когда они сидели в карете.
Важно движется движение, у входа которого и по
он драма, ставшая для него, как и прежде, и в
жестко, невольно купечества, в то время, когда
Сорода в то время, когда она сидела в карете, и в
вышел в карете, и она сидела в карете, и в
потому что в то время, когда она сидела в карете,
честно, как и прежде, и она сидела в карете, и в
Сорода в то время, когда она сидела в карете, и в
оркестра, в то время, когда она сидела в карете, и в
и так, в то время, когда она сидела в карете, и в
забывали, в то время, когда она сидела в карете, и в
отражалось, в то время, когда она сидела в карете, и в

Это был Бертранд и Алла, в то время, когда
Корда она сидела в карете, и она сидела в карете,
стройный полк, и она сидела в карете, и она сидела в карете,
Алла сидела в карете, и она сидела в карете, и она сидела в карете,
наде, которые, в то время, когда она сидела в карете, и она сидела в карете,
сидела в карете.

